

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ)
МИД РОССИИ**

**ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ (ИМИ)
ЦЕНТР БЛИЖНЕВОСТОЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ДОКЛАДЫ

2014 март

ВЫПУСК 1(40)

А.В. КРЫЛОВ, А.В. ФЕДОРЧЕНКО

МНГОВАРИАНТНЫЙ ПРОГНОЗ РАЗВИТИЯ СИТУАЦИИ В РЕГИОНЕ БВСА

**МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО «МГИМО-УНИВЕРСИТЕТ»
2014**

УДК 32
ББК 66.2
К 85

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ДОКЛАДЫ

(Является приложением к периодическому изданию «Ежегодник ИМИ»)

Институт международных исследований МГИМО (У) МИД России

Выпуск 1 (40)
Март 2014

Тема: «Многовариантный прогноз развития ситуации в регионе БВСА»

Главный редактор	<i>Александр Орлов</i>
Редактор	<i>Валентина Шанкина</i>
Компьютерная верстка и дизайн	<i>Кирилл Шанкин</i>

Адрес редакции: 119454 Москва,
проспект Вернадского, 76,
Институт международных исследований
МГИМО (У) МИД России

e-mail: ktsmi@mgimo.ru

Издательство
«МГИМО-Университет»
Отпечатано в отделе
оперативной полиграфии
и множительной техники
МГИМО (У) МИД России,
пр. Вернадского, 76

Точка зрения авторов исследования
может не совпадать с позицией и
оценками других специалистов
ИМИ МГИМО (У)

Заказ №
Тираж 500 экз.
Подписано в печать 20.03.2014

© Александр Владимирович Крылов, 2014
© Андрей Васильевич Федорченко, 2014
© МГИМО (У) МИД России, 2014

ISBN 978-5-9228-1069-2

Аннотация

В настоящем докладе представлены прогнозы и сценарные проработки развития ситуации на Ближнем Востоке и в Северной Африке – на страновом и субрегиональном уровнях. В первой части доклада в центре внимания авторов – страны и районы, испытавшие на себе в наибольшей степени влияние последствий «арабской весны», суммарный объём ущерба от которой за период 2011–2014 гг., по некоторым оценкам, составляет до 800 млрд долл. Во второй части анализируются основные тенденции, определяющие динамику трансформационных процессов и будущее всего ближневосточного региона. Прогнозируемые сценарии развития рассматриваются через призму российских внешнеполитических и стратегических интересов.

Данный доклад развивает удачный прогностический опыт Центра ближневосточных исследований ИМИ МГИМО (У) – опубликованный в мае 2012 г. доклад «Ближний Восток: возможные варианты трансформационных процессов». Значительная его часть также была посвящена рассмотрению сценариев развития ситуации в тех странах региона, в которых события, связанные с феноменом «арабской весны», либо привели к смене государственного руководства, либо серьёзно обострили внутривнутриполитическую обстановку. Большинство прогнозов, изложенных в предыдущем докладе, полностью оправдалось.

Ключевые слова: Ближний Восток, ближневосточное урегулирование, «арабская весна», радикальный ислам, Сирия, Ливия, Египет, Тунис, Ирак, Ливан, Иордания, Аравийские монархии, Йемен, Израиль, территории, контролируемые Палестинской национальной администрацией.

Summary

This Report presents some forecasts and scenario studies of the situation in the Middle East and North Africa. The first part of the Report places special focus on these countries and sub-regions that suffered most from the consequences of the «Arab Spring», the total damage of which for the period of 2011–2014 amounts to USD 800 billions according to some estimates. In the second part of the Report the authors analyze the main tendencies determining transformational processes dynamics and the future of the Middle East region. The forecasted scenarios for the development of the situation are viewed through the prism of the Russian foreign policy and strategic interests.

This Report develops the successful experience of the Center for Middle Eastern Studies of the Institute of International Studies at MGIMO (University) MFA of Russian Federation presented in the previous analytical Report: «The Middle East: Possible Variations of Transformational Processes» (May 2012). A considerable part of the Report also analyses the most probable scenarios for the development of the current situation in those countries of the Middle East and North Africa, where events connected with the «Arab Spring» have either led to a change of the regime or aggravated the internal situation. By now, most of the prognoses given in the Report have been realized.

Keywords: Middle East, Middle East Settlement, Radical Islam, “The Arab Spring”, Syria, Libya, Egypt, Tunis, Iraq, Lebanon, Jordan, Arabian monarchies, Yemen, Israel, the territories controlled by the Palestinian National Authority.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	5
Сирия.....	7
Ливия.....	11
Египет.....	15
Тунис.....	19
Ирак.....	23
Ливан.....	26
Иордания.....	28
Аравийскиемонархии.....	31
Йемен.....	36
Палестино-израильский трек.....	41
Основные тенденции в изменении региональной обстановки в настоящем и ближайшей перспективе.....	45
Ближневосточные позиции России.....	48

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ещё до начала «арабской весны» Ближний Восток представлял собой зону многообразных конфликтов, а народы стран региона испытывали последствия острых социально-экономических, политических, демографических, экологических и иных проблем.

Военное вторжение США и их союзников в Ирак и Афганистан, а также западное массированное давление на Иран, нацеленное на свертывание его ядерной программы, стали причиной резкой милитаризации фактически всех стран региона. Вследствие демографического бума 1980-х гг. экономика была не в состоянии абсорбировать миллионы выходящих на рынок труда новых работников, что стимулировало появление своего рода социально-экономического «коктейля Молотова», питательную среду для укрепления социальной базы международного терроризма.

Регион Ближнего Востока ждут серьёзные социально-экономические и политические потрясения, причиной чему может стать ухудшение экологической ситуации, связанное, в первую очередь, с истощением природных ресурсов, соперничество за которые будет иметь серьёзные последствия в глобальном масштабе. При сохранении современных тенденций в водопользовании лишь 5 из 19 государств региона будут способны удовлетворять свои потребности в воде к 2030 г. В борьбу за делёж и право контроля над использованием крайне ограниченных водных ресурсов могут быть вовлечены многие страны, испытывающие нехватку воды [30]. Не преодолены и продолжают обостряться традиционные противоречия в политической и конфессиональной сферах.

К началу XXI в. прежняя модель развития себя исчерпала, отчётливо проявились признаки застоя. Начавшаяся в 2011–2012 гг. «арабская весна» являлась своего рода попыткой изменить направление общественного развития в ряде стран Ближнего Востока, преодолеть отставание этой части мира от развитых и большого числа развивающихся государств. Однако завершить этот процесс, судя по всему, удастся не скоро. Революционные перемены в Арабском мире обычно начинаются довольно быстро, но на их завершение уходит немало лет.

Положение на Ближнем и Среднем Востоке имеет стратегически важное значение для России как с точки зрения обеспечения национальной безопасности и продвижения наших внешнеполитических интересов, так и в плане развития экономического сотрудничества с государствами региона. В последнее время нашей стране удалось упрочить здесь свои позиции. Содействуя решению ближневосточных конфликтов, Российская Федерация выступает против вмешательства иностранных игроков во внутренние дела этих стран. Как отметил министр иностранных дел России С.В. Лавров, сразу же после произошедших позитивных сдвигов на сирийском и иранском треках в ноябре 2013 г. «...подтверждается вывод, который делали мы и многие другие на заре “арабской весны” о том, что преобразования лучше осуществлять не революционно, а эволюционно, постепенно. Не через раскол обществ и нагнетания конфронтации, а через национальный диалог, избегая резких движений и, конечно, насилия. Причём мы настаивали и продолжаем настаивать, что решение своих проблем народы региона должны, прежде всего, искать сами – сами определять судьбу свою и своих стран, а внешние игроки должны исключить попытки вмешиваться в эти процессы, навязывать свои рецепты, не учитывающие исторических, религиозных и других традиций этих народов» [9].

Высокая степень неопределённости во многих ближневосточных странах требует проведения постоянного мониторинга региональных событий, рассмотрения возмож-

ных вариантов трансформационных процессов. В настоящем докладе представлены прогнозы и сценарные проработки развития ситуации на Ближнем Востоке и Северной Африки – на страновом и субрегиональном уровнях. В первой части доклада в центре внимания авторов – страны и районы, испытавшие на себе в наибольшей степени влияние последствий «арабской весны», суммарный объём ущерба от которой за период 2011–2014 гг., по некоторым оценкам, составляет до 800 млрд долл. Во второй части – анализируются основные тенденции, определяющие динамику трансформационных процессов и будущее всего ближневосточного региона. Прогнозируемые сценарии развития рассматриваются через призму российских внешнеполитических и стратегических интересов. Данный доклад развивает прогностический опыт Центра ближневосточных исследований ИМИ МГИМО – опубликованный в мае 2012 г. доклад «Ближний Восток: возможные варианты трансформационных процессов» [42]. Значительная его часть также была посвящена рассмотрению сценариев развития ситуации в тех странах региона, в которых события, связанные с феноменом «арабской весны», либо привели к смене государственного руководства, либо серьёзно обострили внутривосточную обстановку. Большинство прогнозов, изложенных в предыдущем докладе, полностью оправдалось.

СИРИЯ

Как и предполагалось, вооружённое противостояние оппозиции и властей приобрело затяжной характер и продолжается уже более двух лет. За это время страны, входящие в круг так называемых «друзей Сирии», убедились, что без проведения военных операций, аналогичных тем, которые были осуществлены натовской коалицией в Ливии, разрозненные мятежные группы, получающие всемерную поддержку из-за рубежа, не способны самостоятельно решить задачу по устранению режима Б. Асада, а политическая оппозиция не в состоянии преодолеть внутренние противоречия, чтобы играть позитивную роль в урегулировании сирийского конфликта. Фактический развал «Свободной сирийской армии» (ССА), из состава которой выделились несколько автономных вооружённых бригад, и бесконтрольная интенсивная переброска из-за рубежа многочисленных откровенно джихадистских террористических групп, вызывают вполне обоснованные опасения и разногласия в рядах оппозиции и её иностранных спонсоров.

Международное сообщество также пока не имеет консолидированной позиции по вопросу об урегулировании сирийского кризиса. Если год назад около 80 стран, признавших «Национальную коалицию сирийских революционных сил и оппозиции»¹ в качестве единственного и легитимного представителя сирийского народа, высказывались

в пользу интервенции международных сил для прекращения затянувшегося противоборства, то сейчас количество сторонников силового решения сирийского конфликта сократилось в 10 раз. Даже Саудовская Аравия вынуждена была признать, что положение в Сирии меняется в пользу режима Б. Асада [71].

Однако в сирийском конфликте не может быть ни победителей, ни побежденных – происходящее в стране следует рассматривать как одну из наиболее масштабных гуманитарных и культурных катастроф нашего времени. Заместитель генерального секретаря ООН по координации гуманитарных вопросов Валери Амос на брифинге в СБ ООН привела удручающие цифры. Ежедневно 6-8 тыс. сирийцев покидают страну, 6,6 млн сирийцев нуждаются в помощи. 4,25 млн из них – внутренне перемещенные лица и 1,3 млн – сирийцы, нашедшие убежище в соседних странах [37]. По данным ООН, по состоянию на июль 2013 г. за время конфликта было убито 92 901 человек. Среди погибших 6 560 несовершеннолетних, включая 1 729 детей младше 10 лет. В стране было разрушено около 600 тыс. объектов инфраструктуры, включая жилые дома, школы, больницы, мечети, церкви, исторические памятники. Только процедура возвращения беженцев из соседних стран обратно в места проживания обойдётся в 40 млрд долл., в то время как валютные запасы правительства составляют не более 4,5 млрд долл. [48].

¹ В Катаре в ночь с 11 на 12 ноября 2012 г. лидеры сирийских оппозиционных фракций подписали финальное соглашение о создании объединённой коалиции. В неё согласился войти и Сирийский национальный совет, руководивший до этого момента оппозиционными силами за рубежом. Объединённую коалицию возглавил известный исламский проповедник шейх Ахмад Моаз аль-Хатиб. Чтобы избежать путаницы с уже существующим СНС, объединённая оппозиция решила назвать себя «Национальной коалицией сирийских революционных сил и оппозиции».

Еще в июне 2012 г. члены Группы действий по Сирии определили шаги и меры, которые должны быть предприняты сторонами для обеспечения осуществления в полном объеме плана из шести пунктов и резолюций 2042 и 2043 Совета Безопасности, включая немедленное прекращение насилия во всех его формах; согласовали руководящие указания и принципы в отношении политического перехода, который отвечает законным чаяниям сирийского народа; согласовали действия, которые они предпримут для выполнения вышечисленного в поддержку усилий Совместного специального посланника по содействию проведению под руководством сирийцев политического процесса (Лахдар Брахими); выразили убежденность, что это может способствовать и содействовать прогрессу на местах и поможет облегчить и поддержать переход под руководством сирийцев [12]. Резолюции ООН по Сирии и согласованный Группой действий план открывал реальные перспективы урегулирования конфликта. Однако объявившие себя «друзьями Сирии» некоторые страны, входящие в группу действий, поставили во главу угла противоречащие решениям Женевского коммюнике цели: первая – уничтожение президента Б. Асада; вторая – финансовая и политическая поддержка оппозиционеров и лидеров вооруженных формирований, которые изначально отвергали любое взаимодействие в процессе мирного урегулирования в Сирии через международную конференцию в Женеве и выполнение положений Женевского коммюнике от 30 июня 2012 г. США, ряд ведущих государств Евросоюза, Саудовская Аравия, Катар и другие нефтедобывающие страны Персидского залива продолжали настаивать на необходимости международного военного вмешательства без мандата ООН посредством нанесения точечных ударов с воздуха по ключевым правительственным и военным объектам. В конце августа 2013 г. появилась информация, в которой содержалась подкрепленная ссылками на высокопо-

ставленных чиновников американской администрации информация о том, что президент Б. Обама всерьез рассматривает возможность использования «косовского прецедента» для устранения Б. Асада. Предлогом для применения косовского или ливийского сценариев для Сирии стали сообщения многих западных СМИ о том, что сирийские правительственные войска якобы использовали химическое оружие против повстанцев в боях за Гуту (восточные пригороды Дамаска) [62].

26 августа в Аммане состоялась встреча военного руководства США, Франции, Британии, Саудовской Аравии и Катара, на которой обсуждался вопрос о местах расположения беспилотных зон в воздушном пространстве Сирии, а также возможная атака сирийского побережья с моря силами ВМС США и Великобритании. Израильское информационное агентство «MIG-news», ссылаясь на бывшего посла США в НАТО Иво Даалдера, указывает на то, что, как и в Косово, в Сирии может быть применена концепция «отчаянной гуманитарной ситуации» [36]. Угроза иностранной военной интервенции была отведена только благодаря твердой позиции, занятой в СБ ООН Россией и Китаем, а также стремительной реакцией официального Дамаска, выразившейся в оперативном присоединении к Конвенции о запрещении химического оружия и эффективных мерах по реализации своих обязательств об уничтожении всего имеющегося в стране химического арсенала. Инспекторы ОЗХО осмотрели сирийские объекты по производству химического оружия и констатировали, что к 1 ноября 2013 г. всё военное химическое производство в Сирии будет демонтировано.

Вмешательство из-за рубежа во многом сдерживается нежеланием США и их западных партнёров содействовать росту и усилению влияния радикальных исламистских сил в рядах антиправительственной коалиции, которые всё чаще вступают в вооруженную борьбу с оппозицией, оказывают неподчи-

ние командирам Свободной сирийской армии и отказываются признать легитимность «Национальной коалиции сирийских революционных сил и оппозиции». Весьма показательным в этом отношении является создание джихадистскими группировками в Аззазе, в северной части провинции Алеппо на границе с курдскими районами, т.н. «Исламского государства Ирак и Сирия». Этот автономный террористический синдикат контролирует нефтяные месторождения в Дейр эз-Зуре, Хасаке и Раке, получая ежедневные доходы в размере 6-8 млн долл.

Нарастающая исламизация сирийской оппозиции стимулируется и подпитывается Саудовской Аравией, которая в последнее время переняла инициативу у Катара и стала ключевым стратегическим и финансовым покровителем всех мятежников, в том числе тех, кто связан с исламистскими террористическими организациями. Однако самая большая проблема для Эр-Рияда — та же самая проблема, с которой раньше столкнулись США, Франция и все те, кто были заинтересованы в поддержке оппозиции: фрагментация мятежных групп, их война друг с другом за локальное и региональное доминирование, вместо кооперации [60].

Саудовская Аравия отказалась от практики Катара, заключавшейся в финансировании всей антиасадовской оппозиции, и сделала ставку на поддержку исключительно салафитских группировок. Саудийские спецслужбы содействовали недавнему объединению в Сирии 43 джихадистских групп, образовавших «Армию Ислама» во главе с салафитским полевым командиром М. Аллюшем, отец которого был известным ваххабитским проповедником в Саудовской Аравии. Командиры «Исламского Государства Ирака и Сирии» (Абу Омар аль-Багдади), «Джебхат ан-Нусра» (Абу Мухаммед Джулани), «Ахрар аш-Шам» (Хассан Абуд) и других военизированных формирований, связанных с «Аль-Каидой», также ведут переговоры об объединении и координации совместных действий.

По информации известного арабского аналитика Язида Саэха из Carnegie Middle East Center, Саудовская Аравия намерена профинансировать план подготовки с помощью пакистанских инструкторов 40-50 тыс. боевиков. Этот план обсуждался на встрече министров иностранных дел Саудовской Аравии, Иордании и ОАЭ с президентом Франции Франсуа Олландом в сентябре 2013 г. Подготовка боевиков будет осуществляться на территории Иордании [60]. Аналогичную работу по объединению всех сирийских радикальных исламистских группировок сотрудники саудийских спецслужб намеревались провести в приграничных районах Турции и Сирии. Однако турецкое правительство приняло решение о закрытии центров управления сирийским джихадом, которыми руководили агенты саудовской разведки [73].

На поддержку сирийской вооруженной оппозиции Саудовская Аравия уже потратила более 5 млрд долл. и на фоне нарастающих разногласий среди «друзей Сирии», а также сближения Ирана и США, не дожидаясь результатов конференции «Женева-2», выразила готовность вложить ещё несколько миллиардов долларов на создание к 2016 г. 250-тысячной «Армии Мухаммеда» в целях противостояния шиитской угрозе [45]. Катар вложил в войну 3 млрд долл. и совместно с США организовал 70 рейсов военно-транспортных самолётов с оружием для мятежников [51].

В настоящее время логика развития событий такова, что оппозиция не способна без военной интервенции Запада, Турции и арабских монархий добиться поставленной цели. Со всей стороны, Б. Асад и его окружение не могут пойти на решительные меры (применить все имеющиеся в их распоряжении военные ресурсы), понимая, что это даст повод поддерживающим оппозицию внешним силам действовать в соответствии с «ливийским сценарием», но уже без одобрения СБ ООН. Несмотря на разногласия между «друзьями Сирии», их по-прежнему объединяет убеждён-

ность в том, что Б. Асад при любых обстоятельствах должен сложить с себя президентские полномочия. Кроме того, арабийские монархии во главе с Саудовской Аравией готовы платить сотни миллиардов нефтедолларов, чтобы склонить США и их союзников к проведению военной кампании с целью помочь оппозиции свергнуть клан Асада. При этом лидеры монархий убеждены, что способность ненавистного им режима столь длительное время противостоять вооружённой оппозиции обусловлена исключительно военной помощью Ирана и непрекращающимися поставками вооружений из России. В то же время Иран резко выступает против интернационализации конфликта и уже официально проинформировал российское политическое руководство, что «вступит в войну, и использует в ней весь свой потенциал, в случае атаки против Сирии – даже если эта атака закончится тем, что хотя бы одна ракета взорвётся в пустыне».

Таким образом, несмотря на разногласия между «друзьями Сирии», их по-прежнему объединяет убеждённость в том, что Б. Асад при любых обстоятельствах должен сложить с себя президентские полномочия. При этом они упорно настаивают на том, что способность ненавистного им режима столь длительное время противостоять вооружённой оппозиции обусловлена исключительно военной помощью Ирана и поставками вооружений из России. Во многом именно этим объясняется то, что на состоявшихся двух раундах переговоров в Женеве не было достигнуто сколь-нибудь существенных прорывов. Конференция «Женева-2» убедительно продемонстрировала, что стороны, проявляющие интерес к участию в «сирийских делах», на данный момент не способны преодолеть существующие разногласия и прийти к компромиссно-

му соглашению. Весьма показательны в этой связи слова, произнесённые президентом США Б. Обамой на совместной пресс-конференции с президентом Франции Ф. Олландом в Вашингтоне: «Сейчас мы не думаем, что существует приемлемый вариант прекращения кризиса в Сирии, но ситуация пока находится в подвешенном состоянии, и мы продолжаем исследовать все возможные пути для решения этой проблемы» [75].

Скорее всего, конфликт в Сирии будет носить затяжной характер. К такому же неутешительному выводу приходят многие американские аналитики. Известный эксперт по Ближнему Востоку М. Фишер указывает, что война в Сирии продлится ещё десятилетие. В своих рассуждениях он опирается на исследование, проведенное специалистами по конфликтологии из Стэнфордского университета, которые установили, что все внутригосударственные конфликты после 1945 г. продолжались в среднем от семи до двенадцати лет. В исследовании доказывалось, что внутригосударственные конфликты с большим количеством фракций, как правило, затягиваются на длительный период в случае вмешательства иностранных государств и поддержки ими одной из сторон. М. Фишер, повторяя замечания многих аналитиков о том, что администрация Б. Обамы оказалась в тупике и попросту не может выработать разумительной сирийской политики, замечает, что у неё есть время – до 2020 г., а может и ещё больше [55]. Конфликт в Сирии будет носить затяжной характер ещё и потому, что он имеет несколько измерений. Во-первых, конфликт зародился как бунт обнищавшей периферии против относительно благополучного центра². Мятежи на периферии были поддержаны массовыми выступлениями среднего городского класса за демо-

²По данным Бюро международной стратегии ООН по уменьшению опасности стихийных бедствий (UNISDR), из-за засухи в северных провинциях Сирии 1,3 млн землевладельцев и скотоводов полностью лишились доходов и оказались в положении «отсутствия продовольственной безопасности». 5,3 млн сирийцев (более четверти населения страны) живут в полной нищете. Более 60% обнищавших аграриев подались в города, где столкнулись с тотальной безработицей [52, p. 6, 13].

кратические реформы и против авторитарной системы управления, которую олицетворяет клан Асада и его бюрократическое и предпринимательско-олигархическое окружение. Внутреннее протестное движение быстро приобрело форму застарелого конфессионального конфликта между алавитами и суннитами. Этот же конфликт быстро вышел за границы Сирии и стал частью традиционного исторического противостояния между мусульманами-шиитами и мусульманами-суннитами. На это сложное переплетение конфликтов оказывает существенное влияние обострившееся в последнее время противостояние мировых держав: США, Евросоюза, Турции и ретро-монархий во главе с Саудовской Аравией, с одной стороны, и России, Китая и Ирана – с другой.

С большой долей вероятности можно предположить, что Сирия – даже если ей удастся сохранить территориальную целостность – всё равно будет фрагментирована по конфессиональному принципу, т.е. так, как это произошло в Ливане после окончания гражданской войны (1975–1990). Курды, составляющие в Сирии 2,5 млн человек (10 % населения) уже взяли под собственный контроль свои деревни и города и, естественно, потребуют ещё большей автономии от любого будущего правительства страны. Не принимавшие активного участия в конфликте сирийские друзы, насчитывающие 865 тыс. человек, тоже сформировали собственный независимый анклав в южной части территории Сирии.

ЛИВИЯ

Как и отмечалось нами в предыдущем докладе, план восстановления Ливии по натовскому сценарию пробуксовывает, а запланированное в русле этого же сценария развитие процесса национального примирения и демократизации наталкивается на непреодолимые трудности внутреннего характера. После линчевания вооружённой толпой американского посла и ещё трёх граждан США в Бенгази 12 сентября 2012 г. даже западные эксперты вынуждены были признать, что воцарившаяся в Ливии обстановка безвластия и хаоса не вызывает никакого оптимизма и провоцирует раскручивание ситуации по наихудшему – сомалийскому сценарию [63]. Примечательно, что даже недавно избранный премьер-министр Ливии Али Зейдан не исключает того, что в стране есть люди, которые хотят

превратить её в новое Сомали или Афганистан [19].

Избранный в июле 2012 г. на первых всенародных выборах Всеобщий национальный конгресс, которому Переходный национальный совет (ПНС) передал властно-политические полномочия, переживает острый кризис. Хотя представители новой власти получили всемерную международную поддержку, внутри страны его позиции крайне нестабильны. Аналитики отмечают, что Ливия как никогда близка к расколу из-за острых разногласий между разными группами местных элит: главы крупных племенных образований предпочли править на своих исторических территориях самостоятельно и автономно от новых правительственных структур. Племенные традиции и устои объективно препятствуют легитима-

ции государственной власти, которая воспринимается как прежняя, т.е. до-революционная, политическая организация. Как и в большинстве стран, которые оказались в эпицентре «арабской весны», в Ливии идёт гражданское противостояние, зачастую приобретающее форму открытого вооружённого конфликта между различными группами населения.

Скомпонованное со второй попытки с большими трудностями и по указке из-за рубежа правительство, возглавляемое Али Зейданом, состоит в основном из людей, имеющих открыто выраженную западную ориентацию. Сам Али Зейдан, будучи кадровым дипломатом (бывший посол Ливии в Индии), эмигрировал в 1980-х гг. во Францию, где возглавлял Национальный фронт спасения Ливии. Он сыграл ключевую роль в привлечении президента Франции Н. Саркози на сторону активных участников западной коалиции, поддержавших антикаддафийскую вооружённую оппозицию и военную интервенцию в Ливию. Пост главы МИД занял бывший посол Ливии в Вашингтоне Али Сулейман аль-Уджали, министра обороны – Мухаммед аль-Баргати (имеет сертификат военного летчика, полученный в военно-воздушной академии в США)³, нефти – Абдельараби аль-Аруси (инженер-химик, степень магистра получил в университете Манчестера в Великобритании, работал в ряде нефтяных компаний, принадлежавших Ливии и Англии), юстиции – Салах Башир Маргани (получил юридическое образование тоже в Англии).

Очевидно, что большинство ливийцев не испытывают доверия к новой власти и полагаются в основном на традиционные родоплеменные связи. Правительство не только не контролирует ситуацию в стране, но и не может обеспечить даже собственной безопасности. В последнее время в Ливии до предела обострилась криминогенная

обстановка. По данным некоторых информационных источников в стране, на территории Ливии действует 1 700 вооружённых групп, насчитывающих 700 тыс. боевиков, каждый из которых бравирует, что принимал участие в свержении режима М. Каддафи [49]. Некоторые криминальные группы пополнялись за счёт преступников, которые были намеренно выпущены на свободу сторонниками низложенного режима. Сейчас в распоряжении многочисленных бандформирований насчитывается около 40 млн единиц стрелкового оружия [7]. По меньшей мере, пять бывших военных баз ливийской армии используются инструкторами «Аль-Каиды» и других ультрарадикальных исламистских группировок в качестве лагерей подготовки боевиков с целью последующей их переброски на сирийский фронт. Обученные боевики и тонны оружия вывозятся из Ливии транспортными самолётами Саудовской Аравии, Катара и Иордании, а затем через турецкую границу переправляются в Сирию [50].

Из Ливии постоянно приходят сообщения о резонансных убийствах, похищениях и нападениях, в том числе на дипмиссии. Так, в декабре 2011 г. не подчиняющаяся новой власти так называемая «Зинтанская бригада», насчитывающая около 6 тыс. боевиков, совершила захват аэропорта Триполи. За день до этого члены «Зинтанской бригады» совершили две неудачные попытки покушения на командующего сухопутными войсками Ливии генерала Халифа Хафтара. Тогда же в декабре группой вооружённых бандитов было совершено нападение на генпрокурора Абдул-Азиза эль-Хассиди. По сообщениям международной правозащитной организации «Human Rights Watch», в Мисрате, Сирте и Тавергхе действуют более 100 бандформирований, которые осуществляют массовые убийства, грабежи, насилуют женщин [58].

³ В июне 2013 г. Мухаммед аль-Баргати был отправлен в отставку из-за неспособности предотвратить кровопролитные столкновения между вооружёнными группировками в Триполи. Его сменил Абдалла ат-Тани.

25 сентября в Триполи был захвачен неизвестными сын министра обороны страны Абдаллы ат-Тани, а до этого — дочь экс-главы разведки Ливии. В октябре бывшие повстанцы на несколько часов захватили премьер-министра Али Зейдана, обвинив его в преступлениях против государственности. Российские дипломаты покинули Ливию после нападения вооруженной толпы на посольство в Триполи 2 октября, так как местные власти откровенно признались, что не смогут обеспечить их безопасность⁴. 15 ноября 2013 г. в столичном районе Гаргур столкновения между демонстрантами из числа местных жителей и членами базирующихся в Триполи вооруженных формирований переросли в масштабный конфликт с применением оружия. В результате, по данным министерства здравоохранения Ливии, погибло 47 человек и более 400 ранено.

29 января 2013 г. Совет Безопасности ООН на своем заседании обсудил ситуацию в Ливии. Члены Совета единодушно выразили озабоченность состоянием дел в сфере безопасности, в особенности в восточных районах страны. Отмечалось, что, «несмотря на усилия ливийских властей, почти еженедельно фиксируются случаи вооруженных нападений на отделения полиции и сил безопасности, официальных представителей власти, иностранных дипломатов, а также боевых столкновений между племенными и региональными формированиями» [21].

Особое беспокойство вызывает тот факт, что восточная провинция Киренаика, где добывается до 80 % ливийской нефти, фактически не подчиняется центральным властям: сферы влияния в основной нефтедобывающей провинции поделили между собой группы вооруженных исламистов, контрабандистов и племенные формирования. К сентябрю 2012 г. при поддержке западных компаний (преимущественно итальянских, французских и британских) правитель-

ственному министерству нефти удалось вывести нефтедобычу на уровень 1,6 млн баррелей в день, что сопоставимо с показателями периода правления М. Каддафи [64]. Однако только за первые пять месяцев текущего года государство потеряло около 1 млрд нефтедолларов. Несмотря на то что до 18 тыс. человек был увеличен личный состав службы по охране нефтяных объектов, ситуация с обеспечением безопасности нефтяной промышленности достаточно сложная, что был вынужден признать и министр нефти Абдельараби аль-Аруси [57]. Значительная часть нефтяных объектов, включая транзитные терминалы, контролируются племенными ополчениями и контрабандистами; пиратские танкеры, не имеющие официальных лицензий, вывозят миллионы баррелей нефти.

Западная коалиция и, прежде всего, те страны, которые наиболее активно участвовали в военной операции по низвержению М. Каддафи, в основном уповают на восстановление и развитие ливийской нефтяной промышленности, что, как предполагается, позволит наполнить денежной массой национальный стабилизационный фонд. Сейчас этот фонд пополняется в основном из-за рубежа посредством размораживания в западных банках активов прежнего режима. Еще в сентябре 2011 г. на международной конференции «Друзья Ливии» в Париже политические лидеры 63 стран, включая делегатов восьми крупнейших региональных и международных организаций, в числе которых ООН, НАТО и Евросоюз, договорились разблокировать 15 млрд долл., принадлежащих М. Каддафи и его родственникам [59]. В обмен на зарубежную финансовую поддержку западноевропейские и американские компании получили благоприятный лицензионный режим и право покупать ливийские энергоносители как у представителей новой власти, так и у посредников. Предполагалось

⁴ С 8 декабря 2013 г. в Триполи начала работу передовая группа российских дипломатов для проработки с ливийскими властями практических вопросов возобновления деятельности Посольства России в Ливии.

также, что постреволюционные власти будут использовать поступающие из-за рубежа средства на формирование действенной регулярной армии и полиции, которые будут способны разоружить никому не подчиняющиеся группы боевиков, сепаратистов и контрабандистов. Но даже западные эксперты выражали убежденность в том, что массивные финансовые вбросы в лучшем случае способны обеспечить порядок в районах добычи нефти и газа, а также более или менее стабильный экспорт углеводородного сырья. Шансы «развития демократии» в Ливии в ближайшей перспективе оценивались не более чем в 3 %. В то же время вероятность продолжения и разрастания гражданской войны после устранения М. Каддафи составляла 43 % [47].

Спустя два года после устранения Каддафи Ливия застряла на перепутье. Центральная власть слаба, неустойчива и имеет тенденцию к самораспаду. Гражданское вооружённое противостояние набирает силу и имеет несколько уровней: по-прежнему идёт противостояние между выходцами из западных и восточных районов страны, между различными племенными объединениями, между сторонниками и противниками покойного М. Каддафи, между исламистами и секуляристами, между новоявленными полевыми командирами и офицерами среднего звена ливийской армии, которые были недовольны политикой свергнутого режима, между технократами, получившими образование на Западе, и консервативной традиционной элитой. Сколь долго будет продолжаться противостояние, и какие силы могут положить ему конец?

Во-первых, велика вероятность захвата власти кадровыми военными. Большим авторитетом среди ливийцев пользуются бывшие члены организации «Свободные офицеры», участвовавшие в свержении монархии Идриса I вместе с М. Каддафи, однако вскоре разочаровавшиеся в его методах управления страной и перешедшие в стан оппозиции ещё в 1970–1980-х гг. Среди них:

Омар аль-Харири, один из организаторов неудачной попытки свержения М. Каддафи в 1975 г., проведший более 15 лет в тюремных стенах. В ПНС аль-Харири некоторое время возглавлял военное ведомство. На этом посту его сменил не менее авторитетный генерал Джалал аль-Дихейли. Определённым влиянием обладают также Сулейман Махмуд аль-Обейди, сменивший на посту командующего Национальной армии Ливии (ныне – Свободная армия Ливии) Абдель Фатаха Юниса, убитого при неизвестных обстоятельствах 28 июня 2011 г., а также командир «Зинтанской бригады» Осам аль-Дживайли (занимал пост министра обороны в первом переходном правительстве) и уже упоминавшийся выше командующий сухопутными войсками генерал Халиф Хафтар. Армия представляется единственным институтом, способным навести в стране порядок в кратчайшие сроки. Однако перераспределению власти в пользу военной верхушки будет противостоять западная коалиция, поскольку замена авторитарной диктатуры военной хунтой явно противоречит планам «демократизации» Ливии. Захвату власти военными препятствует также разобщённость офицерского корпуса. Сейчас в Ливии насчитывается пять армейских структур. Помимо «Зинтанской бригады» и бригад, входящих в состав «Свободной армии», в стране действуют «Армия Барка», которая подчиняется независимому Совету Киренаики, «Гвардия защиты нефтяных объектов» со штабом в Аждабии и объединение вооружённых сил Феццана. Однако было бы неверно вовсе исключить развитие страны по изложенному выше сценарию.

Во-вторых, по-прежнему сохраняет актуальность сценарий, в соответствии с которым Ливия может прекратить существование как единое государство и распасться, причём не на три провинции, существовавшие в османский период, а на несколько районов с городскими центрами, где реальная власть будет принадлежать племенной

верхушке и местным авторитетам. Уже сейчас в таких городах, как Мисрата, Триполи, Тобрук, полностью восстановлены разрушенные дома и улицы, в нормальном режиме работают объекты инфраструктуры и порты. Местные советы, действующие фактически автономно, стараются обеспечить надлежащий порядок в сфере безопасности. В марте 2012 г. главы племён восточной Киренаики объявили о создании независимого от Триполи Высшего переходного совета. Территория автономного образования простирается от залива Сирт до границы с Египтом. В октябре 2013 г. в Адждабии местные старейшины поддержали создание регионального правительства, которое будет контролировать богатые нефтью районы Киренаики. Южные племена

Фецана провозгласили автономию и выбрали президентом Мохаммада Нури аль-Каузи, объявив прямое управление нефтяными ресурсами и назначение независимых от Триполи военачальников.

Опубликованные на сайте «WikiLeaks» секретные материалы спецслужб США свидетельствуют, что дезинтеграция Ливии по территориально-племенному принципу рассматривается в качестве перспективного и приемлемого для Запада сценария [56]. Принимая во внимание нефтяные интересы современных «друзей Ливии», такой сценарий имеет принципиально важное значение, поскольку в определённой мере минимизирует возможность захвата власти в стране радикальными исламистами, которые за два последних года превратились в серьёзную политическую силу.

ЕГИПЕТ

В отличие от Ливии с её относительно небольшим населением (около 6 млн человек) у Египта и 86 млн египтян попросту нет природных и финансовых ресурсов, которые позволили бы им долгое время просуществовать в состоянии политического паралича и постоянных столкновений на политической и религиозной почве. Это обстоятельство прекрасно осознают разработчики ближневосточной политики США, для которых Египет является важным стратегическим союзником в регионе. Именно по этой причине администрация Б. Обамы без особых колебаний и без оглядки на какие-либо демократические ценности сначала поддержала арест Х. Мубарака, а затем

и низложение М. Мурси в результате военного переворота, осуществленного 3 июля 2013 г. Высшим советом Вооружённых сил Египта, т.е. генералитетом египетской армии⁵.

На наш взгляд, в Египте не может произойти того, что произошло в Ливии или происходит сейчас на сирийской территории. Во-первых, нужно учитывать, что в Египте нет вооружённой оппозиции и нет сил, которые могли бы с оружием в руках выступить против власти военных. Во-вторых, Египет — не та страна, которая может войти в состояние гражданской войны, потому что всё политическое противостояние развивается на очень узких площадках, в основном в Каире на площади Тахрир

⁵ Госсекретарь США Дж. Керри был первым иностранным политиком, прибывшим в Египет с официальным визитом сразу после военного переворота.

и в центрах крупных городов, например в Александрии. Армия и спецслужбы имеют большой опыт сдерживания «Братьев-мусульман». Одним словом, политических сил, способных на равных противостоять институту армии, попросту не существует.

Назначенный Высшим советом военных временный президент Египта Адли Мансур 8 июля 2013 г. назвал примерные сроки проведения в стране парламентских и президентских выборов. Согласно конституционной декларации, подписанной А. Мансуром, после утверждения на референдуме поправок к действующей конституции будут проведены парламентские выборы. Их разработка будет поручена двум специальным комитетам. Ожидается, что референдум будет проведён через четыре месяца после подписания декларации. Следовательно, выборы должны состояться в первой половине 2014 г.

На участие в выборах рассчитывают более трёх десятков партий и новых течений, которые появились в ходе напряжённых событий последних трех лет. Среди них массовое и в основном молодёжное течение «Тамаруд» («Восстание»), объединившее насеристов, либералов и демократов. Однако после достижения основной цели — устранения М. Мурси — это разношёрстное движение вряд ли обладает каким-либо рецептом разрешения государственных проблем. Либерально-националистическая обновленная партия «Вафд», хотя и имеет чёткую программу вывода Египта из кризиса, не может рассчитывать на победу хотя бы по причине своей малочисленности. Партия «Ад-Дустур» («Конституционная партия»), созданная недавно бывшим главой МАГАТЭ М. аль-Барадеи, имеет все перспективы получить поддержку со стороны стран Запада, прежде всего США и нефтедобывающих арабских стран, которые могут дать многомиллиардный кредит для спасения страны. Некоторое время в переходном правительстве М. аль-Барадеи занимал пост вице-президента, но очевидно, что это не та фигура, кото-

рая пользуется большой популярностью в Египте.

Салафитская партия «Ан-Нур» и радикальная исламистская группировка «Джамаат аль-Исламия» полностью поддержали военный переворот. «Братья-мусульмане» тоже не идут на обострение внутривнутриполитической обстановки, чтобы не дать повода для отстранения их от выборов. Оформленное недавно и действующее от имени «Братьев-мусульман» движение «Национальный союз партий за легитимную власть» призывает к объединению все солидарные с ним исламистские течения, к проведению акций протеста по всей стране, однако воздерживается от насильственных действий и столкновений с армией. Судя по тому, какой массовой поддержкой пользовались исламисты на последних выборах 2012 г., не исключено, что обновленная «Партия свободы и справедливости» (под этим названием в 2012 г. «Братья-мусульмане» получили почти половину мест в парламенте) снова покажет высокие результаты на предстоящих выборах.

Какая бы партия не одержала победу на будущих выборах, любой политической структуре будет крайне сложно справиться с существующими в Египте социально-экономическими проблемами. По данным ведущих аналитиков ЕБРР и ВБ, вследствие потрясений, связанных с «арабской весной», Египет нуждается в денежных средствах в размере от 30 до 40 млрд долл. ежегодно на протяжении ближайших трёх лет. Общий ущерб, который понесли в совокупности за последние три года экономики Египта, Ливии, Туниса, Сирии и Иордании, составляет 2,9 трлн долл., и, если в ближайшее время этим странам не будет предоставлена финансовая помощь в размере 120 млрд долл., реальна угроза их существованию [53].

Другая реальная угроза Египту — катастрофическая демографическая ситуация. До сих пор демографические проблемы страны решались только одним способом — сотни тысяч египтян находили себе работу за рубежом. В самом

Египте колоссальнейшая безработица, и мало кто из специалистов может назвать точные её показатели. Но по некоторым оценкам довольно серьезных организаций, в частности Всемирного банка, безработица только среди молодежи составляет 70 %. Большинство египтян живет на 2 доллара в день, а главный продукт питания для основной массы населения – это рагиф, традиционная лепешка. С учётом того, что мировой кризис привёл к повышению цен на пшеницу, увеличилась и цена на лепёшку, что чревато хлебными бунтами, которые с постоянством вспыхивали в стране в недавнем прошлом.

Внутренние доходы Египта – невелики. Основной источник дохода – туризм – представляет область хрупкую, зависимую от очень многих факторов. Приход к власти «Братьев-мусульман», естественно, не мог способствовать развитию туризма в лучшую сторону. Природных богатств у Египта не так уж много. Что же касается других сфер, в частности обрабатывающей промышленности, то они не выдерживают конкуренции с реально развивающимися и передовыми странами мира. Для Египта всегда была важна та помощь, которую оказывали и продолжают оказывать Соединённые Штаты в рамках Кемп-Дэвидских соглашений (около 1,5 млрд долл. в год), а также помощь стран ССАГПЗ. Без донорской помощи Египет не может решить стоящие перед ним экономические проблемы, которые ко всему прочему, дополняются проблемами нехватки воды, в том числе питьевой, проблемами экологии и продолжающейся засухи.

Краткосрочный опыт пребывания у власти «Братьев-мусульман» более чем убедительно доказал, что в такой сложной стране, как Египет, партия, которая никогда не имела опыта государствен-

ного управления, была с самого начала обречена на провал. Политическое руководство во главе с М. Мурси допустило роковую ошибку, продолжая заниматься идеологизированием на государственном уровне, отстраняясь от решения насущных проблем. Именно это обстоятельство толкнуло миллионы египтян на выступления против демократически избранного правительства, и именно этим объясняется массовое упование на то, что только военное руководство способно вывести страну из тупика.

Нельзя не согласиться с мнением Ахмеда Джараллы, одного из наиболее влиятельных политических обозревателей арабского мира, который утверждает: «Армия есть основное оружие для социального изменения. Сильные лидеры могут сформироваться только в армии и выйти только из армейской среды. Этот феномен особенно силен в Египте, поскольку здесь в армии сосредоточена интеллектуальная элита страны, лучшие умы в сфере экономики, менеджмента и государственной службы» [1]. Далее А. Джаралла подчёркивает, что в случае избрания министром обороны Египта генерала Абдель Фаттаха ас-Сиси⁶ президентом страны, объём торговли Египта с государствами Залива превысит 100 млрд долларов.

По любым существующим экспертным оценкам, армия в Египте является самым массовым, влиятельным и устойчивым институтом, имеющим разветвлённые корпоративные связи со всеми общественно-политическими и социально-экономическими структурами. Военные контролируют до 40 % египетских активов и представляют собой мощную экономическую силу; они распоряжаются миллиардами, поступающими из США в соответствии с условиями Кемп-Дэвидского соглашения⁷. Военная служба всегда была чуть ли не

⁶ В настоящее время Абдель Фаттах ас-Сиси является председателем Высшего совета вооружённых сил Египта, министром обороны и первым заместителем премьер-министра. В январе 2014 г. ас-Сиси было присвоено звание фельдмаршала – высшее воинское звание в Египте, и тогда же Высший совет Вооружённых сил уполномочил его выдвинуть свою кандидатуру на предстоящих президентских выборах.

⁷ С 1979 г. по настоящее время Египет получил от США в виде безвозмездной военной помощи примерно 60 млрд долларов.

единственной возможностью для египтян из труппы сделать успешную карьеру не только военного, но и бизнесмена, и политика. До М. Мурси и А. Мансура все президенты (Г. Насер, А. Садат, Х. Мубарак) были олицетворением армейской элиты Египта. Вполне обоснованным представляется предположение, что египетские военные лишь тактически на короткий период времени допустили М. Мурси и его сторонников до власти, чтобы полностью возложить ответственность за удручающую экономическую и политическую обстановку в стране на президента-исламиста и «Братьев-мусульман».

Отстранённые от власти «Братья-мусульмане» не могут не считаться с такой серьёзной силой как армия, понимая, что сейчас подавляющее большинство египетского электората отдаст свои голоса за выдвиженца из армейской среды. Активисты общественного движения «Окончательный выбор» заявили, что 15,4 млн человек уже подписали петицию, призывающую Абдель Фаттаха ас-Сиси стать президентом. К моменту объявления даты выборов они намерены собрать 50 млн подписей. Генерала ас-Сиси полностью поддерживают либералы, секуляристы, Патриархат коптской церкви, обыватели из числа мелкой предпринимательской прослойки, которые уповают на то, что только светская военная диктатура способна избавить египетское общество от беспорядков и насилия.

В преддверии предстоящих в 2014 г. выборов свои кандидатуры на пост президента Египта, скорее всего, выдвинут нобелевский лауреат М. аль-Барадеи, бывший генсек Лиги арабских государств Амр Муса (пятое место по результатам выборов 2012 г.), популярный публицист, бывший депутат парламента, социалист-насерист и один из основателей движения «Тамаруд», Хамдин Саббахи (третье место по результатам выборов 2012 г.), бывший руководитель «Братьев-мусульман» и умеренный исламист Абдель-Монеим Абуль-Футух (был четвертым на последних выборах).

Однако реальным фаворитом является, безусловно, Абдель Фаттах ас-Сиси. Занявший второе место на выборах 2012 г. бывший премьер-министр генерал Ахмед Шафик уже отказался от выдвижения своей кандидатуры и публично призвал египтян голосовать за ас-Сиси. Последний, похоже, устраивает не только большинство египтян, у которых он ассоциируется со вторым Г. Насером, но и основных зарубежных игроков на ближневосточном пространстве.

Выступая вскоре после ареста М. Мурси, президент США Б. Обама отчетливо дал понять, что приход военных к власти в Египте соответствует американским интересам, которые заключаются в открытом проходе американских кораблей через Суэцкий канал, открытом воздушном пространстве для американских самолетов, в том числе военных, проведении совместных военных манёвров, сохранении мира с Израилем и борьбе с терроризмом в регионе. Состоявшийся сразу после выступления по просьбе Б. Обамы телефонный разговор министра обороны Ч. Хейгла с ас-Сиси, подтверждал, что новая власть вполне устраивает Вашингтон [61]. Свою первую зарубежную поездку в качестве вице-преьера ас-Сиси осуществил в Россию, где состоялись весьма плодотворные переговоры с президентом В. Путиным, министром обороны С. Шойгу и министром иностранных дел С. Лавровым. В ходе визита был подписан контракт по продаже российского оружия Египту на сумму, превышающую 2 млрд долл.

В Израиле также не скрывали заинтересованности в сохранении силы и влияния египетской армии, которая была и остаётся главным гарантом мира и безопасности еврейского государства на южной границе [38]. Бывший министр обороны Израиля и кандидат на пост президента Д. Бен-Элиэзер подчеркнул, что у «ас-Сиси не было иного выбора, кроме как свергнуть Мурси, потому что задача армии – отстаивать и защищать египетский народ и не допустить

хаоса» [5]. В Израиле ас-Сиси очень хорошо знают, поскольку он не раз приезжал в соседнее государство в составе делегаций египетских спецслужб, которые выступали в качестве медиатора на палестино-израильских переговорах.

Генерал ас-Сиси имеет тесные связи с разведслужбами США и стран ССАГПЗ, которые он установил ещё будучи военным атташе в Саудовской Аравии (2006–2008). По некоторым данным, временное правительство получает ежемесячно из Саудовской Аравии 1 млрд долл. [24]. Ощущая столь внушительную поддержку извне и внутри страны, Высший совет военных в ноя-

бре 2013 г. отменил чрезвычайное положение и комендантский час.

Сейчас СМИ Египта пытаются преподнести общественности генерала ас-Сиси в качестве чуть ли не единственно возможного национального спасителя. Однако известно, что своему стремительному росту он обязан в основном дружбе с сыном бывшего президента и преданной службе Х. Мубараку. В связи с тем, что ас-Сиси, скорее всего, одержит на президентских выборах более чем убедительную победу над своим основными конкурентами, Египет ожидает банальная реставрация государственного управления, существовавшего при Х. Мубараке.

ТУНИС

Результаты смены режима не удовлетворили значительную часть тунисского общества, в первую очередь многочисленных представителей среднего класса, составляющего более 70 % населения. Однако в условиях нарастания протестного движения, обострения социально-экономических проблем, возвращения в страну многочисленных джихадистов партия «Ан-Нахда» сумела предотвратить военные столкновения, распространение насилия и терроризма. Одним из основных «ноу-хау» в её политическом менеджменте стало расчётливое и осторожное манипулирование религиозными радикалами посредством убеждения, поддержания постоянного диалога с ними и их интеграции во властные и партийные структуры. Подобная тактика была апробирована в ряде других арабских стран ещё до начала «весны». Балансирование между радикальными исламиста-

ми и светскими движениями способно затормозить исламизацию, но требует значительных усилий и проведения осторожной политики. Смещение баланса чревато ослаблением позиций умеренных исламистов: поддержка ими усиления религиозной составляющей общества вызывает протест и противодействие секуляристов, а сдержанное отношение к исламизации будет способствовать оттоку избирателей «Ан-Нахды» к салафитам.

События января 2014 г. стали важным этапом в поиске компромисса между религиозными и светскими политическими силами и выхода из затянувшегося кризиса. 26 января абсолютное большинство тунисских парламентариев проголосовало за новую конституцию. Она провозгласила свободу совести, вероисповедания, гендерное равноправие. Ислам остаётся государственной религией, но не объявляется источни-

ком права. В Основном законе закреплено равенство мужчин и женщин. Такой нормы нет в законах ни одной исламской страны. В отличие от предыдущей новая конституция содержит целую главу «Права и свободы».

Был достигнут ещё один компромисс между «Ан-Нахдой» и оппозицией. Вслед за принятием конституции новый премьер-министр М. Джомма сформировал новое, непартийное правительство технократов. В предыдущем кабинете министров преобладали исламисты. Главными целями правительства были объявлены подготовка и проведение парламентских выборов, обеспечение такого уровня безопасности и такой экономической обстановки, которые будут благоприятствовать выходу из кризиса. Лидер «Ан-Нахды» Р. Ганнуши поспешил заявить, что «Тунис должен стать примером для региона – продвижение демократии в Тунисе должно оказать позитивное воздействие на арабских соседей» [40].

Между тем, исламисты, судя по всему, не собираются сдавать свои позиции. Им принадлежит большинство в парламенте, они продолжают лоббировать лояльных им представителей в органы исполнительной власти. В случае, если правительство технократов не добьётся повышения жизненного уровня населения и улучшения инвестиционного климата в стране, достигнутое с таким трудом равновесие между религиозными и светскими политическими силами будет нарушено. В чью пользу? Определить это пока сложно.

Оценивая перспективы исламизации Туниса, необходимо учитывать нынешнее и будущее соотношение политических сил в стране. В начале 2014 г. наиболее влиятельными считались партия «Братьев-мусульман» «Ан-Нахда», салафиты, группа светских партий и движений, включая зарождающуюся «третью силу» – сторонников первого президента страны Бургибы.

Тунис пока не стал местом притяжения и активной деятельности вооружённых джихадистов. Те из этих групп, ко-

торые состоят из тунисцев, в настоящее время перемещаются в зарубежные очаги межконфессиональных конфликтов – в Сирии, Мали, странах Восточной Африки – или уже действуют там. Так, в захвате заложников на газовом объекте в алжирском Ин-Аменасе в январе 2013 г. (эта акция была связана с операциями исламистов в Мали) многие террористы были выходцами из Туниса. Однако не стоит преуменьшать опасность этого движения для самого Туниса. Современная тактика тунисских джихадистов по вовлечению в свои ряды граждан Туниса и «экспорта» боевиков в другие страны может очень быстро поменять направленность и переацелиться на тунисскую территорию.

И всё же с точки зрения перспектив исламизации Туниса наибольшие и растущие возможностями имеют салафиты. Эти так называемые системные исламисты обладают легитимностью, интегрированы в политический процесс. Для увеличения числа своих сторонников они, помимо религиозных проповедей, активны в установлении контроля над местами богослужения, учебными заведениями, социально-экономической инфраструктурой. По своим функциям их объединения далеко выходят за рамки экстремистских. Их социально-политическая и экономическая активность либо компенсирует отсутствующее в тех или иных сферах государство, либо частично реализует его функции в случае серьёзного ослабления. В бедной тунисской периферии салафиты контролируют теневую экономику, осуществляют неформальный административный контроль, урегулируют местные конфликты, занимаются организацией начального и среднего образования и даже участвуют в заключении браков. Движение салафитов в Тунисе многие считают одновременно социальной организацией (она поддерживает сеть социальных институтов, оказывает помощь бедным слоям населения), национально-освободительным движением, религиозной группировкой.

Исламистские партии, осуществляющие государственное руководство, судя по всему, недооценивают усиление влияния салафитов и рассматривают этот процесс как неизбежный в период перехода от авторитаризма к демократизации с исламским лицом. Однако вопрос о том, удастся ли постепенно интегрировать салафитов в политическую систему Туниса и снизить уровень их радикализма, остаётся открытым.

В целом политическая ситуация в Тунисе отличается высокой неопределённостью. Исходя из существующих объективных условий, возможно выявить основной вектор развития события в долгосрочной перспективе, но точно определить ход и темпы исламизации достаточно сложно. Многое будет зависеть от итогов предстоящих до конца 2014 г. парламентских и президентских выборов. Этот год был определён комитетом по согласию Национального учредительного собрания Туниса в декабре 2013 г.

Тем не менее в ближайшей и среднесрочной перспективе тотальная исламизация Туниса в радикальном направлении представляется маловероятной. Будут действовать следующие факторы, препятствующие исламской радикализации:

- У салафитов нет ни чёткой программы реформ, ни достаточной поддержки населения (не считая депрессивные районы); ускоренная исламизация без проведения экономических реформ рано или поздно заведёт страну в тупик — в Тунисе это произойдет довольно быстро, так как страна не имеет возможности гасить народное недовольство потоками нефте- и газодолларов.
- Политическая борьба не утихает сразу в нескольких плоскостях: между исламистами и светской оппозицией, в самой «Ан-Нахде» и в триумvirате, между «Братьями-мусульманами» и салафитами.
- В обществе сохраняются либеральные традиции, заложенные в эпоху президента Бургибы.

- Столь необходимые стране иностранные инвестиции поступят лишь при условии ограничения исламизации умеренной моделью.
- События в Египте окажут соответствующий демонстрационный эффект на руководство Туниса, армию, население в целом.

Вероятным представляется формирование двухполюсной политической системы на основе альянса между левыми светскими движениями и умеренными исламистами-прагматиками.

Западная Европа, в первую очередь Франция, продвигает идею о компромиссном варианте общественно-политического развития Туниса, о демократизации с арабским и исламским лицом. Усиление нерелигиозного политического полюса можно осуществить на фоне определённых уступок исламистам в менее важных с точки зрения государственного строительства и экономических реформ сферах (семейные отношения, начальное и среднее образование, культура). Новая политическая модель для мусульманского мира в случае её успешной адаптации в Тунисе может послужить ориентиром для стран, ведущих мучительный поиск путей выхода из сложного формационного перехода. Вестернизация с учётом местных традиций и религии — при условии достижения положительных и масштабных социально-экономических результатов — возможно, станет примером для других стран, переживающих «арабскую весну». Конфигурации политических блоков в разных странах, конечно, будут отличаться друг от друга, учитывая неоднородность, мозаичность Арабского мира.

О возможности реализации такого варианта можно будет судить после проведения парламентских и президентских выборов. В настоящее время идёт формирование политических сил, готовых самостоятельно или на основе создания блоков выдвинуть своих кандидатов. Основной водораздел проходит, как представляется, между вестернизированными прагматиками и

ориентированными на аравийские монархии сторонниками исламизации. Произошедший в «Ан-Нахде» раскол подтверждает подобную поляризацию. Бывший премьер-министр Х. Джебали, как было объявлено, пойдёт на выборы самостоятельно, что закрепит раскол в этой партии. Он является убеждённым сторонником прозападной ориентации Туниса, и его победа улучшит инвестиционный климат страны в глазах западных бизнесменов. Х. Джебали может создать альянс с партиями «третьей силы», что предпочтительно для Запада. Его оппонент – харизматический лидер «Ан-Нахды» Р. Ганнуши – выступает за привлечение капиталов из стран Персидского залива, что укрепит в Тунисе влияние аравийских консервативных режимов. В конечном итоге объём потенциальных зарубежных инвестиций и финансовой помощи может склонить большинство тунисских избирателей к поддержке Х. Джебали или иного кандидата ориентированных на Запад политических партий и движений и тем самым ослабить позиции радикальных исламистов.

Уже к середине лета 2013 г. раскол в «Ан-Нахде» стал вполне очевиден. Сформировались два партийных крыла – радикальное и реформаторское. В сфере политической борьбы этот раскол выявил преимущества лидера радикалов Р. Ганнуши. Он проявил большую внешнеполитическую активность, лишил Джебали доступа к партийным финансам. Кроме того, радикалы имеют большинство в партийном аппарате и низовых ячейках, в парламенте, пользуются финансовой поддержкой Катара. И радикалы, и реформаторы пытаются создать альянс со светскими партиями, но итоги этого предвыборного «торга» предсказать трудно.

Вместе с тем даже в случае победы Ганнуши нет гарантии усиления исламизации. Скорее всего, оставшаяся у власти исламистская партия и её союзники сделают всё, чтобы удержаться на вершине политической системы. Учитывая опыт крупнейшей арабской

страны – Египта, – исламисты сконцентрируются на решении экономических проблем, отодвинув на задний план идеологические и религиозные ориентиры. Вполне возможно, что всё это введёт Тунис в русло построения либеральной политической системы с весомым исламистским компонентом. Но исламизм в тунисском варианте будет носить весьма умеренный характер по сравнению с Суданом, аравийскими монархиями и даже Египтом. Много будет зависеть не только от настроений тунисских избирателей, но и политической и экономической поддержки западных стран, с одной стороны, и консервативных суннитских режимов – с другой стороны.

Вне зависимости от исхода выборов, в качестве первоочередных мер по завершению в Тунисе переходного периода, стабилизации политической и социально-экономической ситуации, предотвращению распространения радикального ислама представляются следующие:

- Создание Комитета по национальному диалогу с участием основных политических и общественных организаций для согласования «дорожной карты» реформ и урегулирования общественных конфликтов.
- Объединение усилий религиозных и светских организаций по преодолению отставания депрессивных районов в городах и сельской местности.
- Введение в религиозное образование утвердившихся в Тунисе норм реформистского течения ислама.
- Укрепление сил полиции и национальной гвардии путём оснащения их современными техническими средствами для предотвращения конфликтов и актов насилия на религиозной и иной почве.
- Усиление пограничного контроля и взаимодействия с соседними странами (Ливия, Алжир) для предотвращения проникновения на территорию Туниса террористов и нелегальных поставок оружия. С 1 июля 2013 г.

началось совместное с алжирскими вооружёнными силами патрулирование тунисско-алжирской границы с целью затруднения инфильтрации боевиков из зоны Сахеля. Однако

говорить о реальном эффективном патрулировании пустынных районов без наличия достаточного количества беспилотников не приходится.

ИРАК

Американское вторжение США в Ирак в 2003 г. нарушило сложившийся в течение длительного периода баланс политических, конфессиональных, этнических сил не только в этой стране, но и в ближневосточном регионе в целом. Приход войск коалиции способствовал началу суннитско-шиитской гражданской войны в Ираке, повышению политической активности шиитов в других частях арабского мира. «Арабская весна» обострила противостояние этих двух мусульманских общин, поскольку крушение диктаторских режимов открыло возможность для шиитского возрождения, но в то же время в результате нарастания протестного движения суннитов поставило под вопрос монополию революционного шиизма на идеологическом пространстве Ближнего Востока [25].

К началу 2014 г. в Ираке продолжалось политическое и военное противостояние сразу по нескольким линиям: сунниты-шииты, курдская автономия — центральное правительство, джихадисты — правительственные войска и ряду других направлений. Экстремистские и террористические группировки различной политической и религиозной ориентации стремятся к расширению зон своего влияния. Основная часть столкновений происходит в северных, западных и центральных провинциях Ирака. За последние 10 лет более 200 тыс. человек погибло, несколько

миллионов стали беженцами. Произошёл массовый исход христиан из Ирака — из 1,4 млн христиан в стране осталось всего около 400 тыс.

Шиитско-суннитское противостояние на юге Ирака приобретает форму насильственного «выдавливания» суннитов из южных провинций страны.

На почве межконфессиональной вражды происходят столкновения, в том числе вооружённые, между отрядами суннитского ополчения «Сил пробуждения» («Сахва») и правительственной армией. В последнее время суннитские вооружённые группировки, включая отряды бывших активистов партии Баас и офицеров армии С. Хусейна, а также различные террористические структуры стали переходить к новым методам борьбы с возглавляемым шиитами правительством Н. Аль-Малики. Экстремистские группировки (например, «Исламское государство в Ираке и Леванте») тесно связаны с «Аль-Каидой». Цель суннитских формирований — сместить правящую шиитскую коалицию. Поддержку боевикам оказывают некоторые аравийские монархии, в первую очередь Саудовская Аравия, которая снабжает суннитские группировки деньгами, оружием и инструкторами [8].

В результате нарастания межконфессионального противостояния страна оказалась, как это уже было в

2007–2008 гг., на грани широкомасштабной гражданской войны. Велика вероятность территориальной дезинтеграции Ирака. Сунниты западной провинции Анбар, используя конфессиональное родство и племенные связи с суннитами восточной части Сирии, могут создать суннитское территориальное образование, примыкающее к иракско-сирийской границе. По подобной схеме уже идёт сближение курдских районов Ирака и Сирии. Также возможно отделение южного Ирака с преимущественно шиитским населением.

Остаётся неурегулированным ряд политических, экономических, территориальных и военных проблем в отношениях между центральным правительством Ирака и властями курдской автономии. Вместе с тем обе стороны стараются не допустить обострения имеющихся противоречий и перейти к сотрудничеству.

Курдское руководство пытается — и небезуспешно — подвести под свою сепаратистскую политику экономический фундамент. Располагая значительными запасами нефти, курдская автономия приступила к самостоятельному экспорту этого сырья ещё задолго до начала «арабской весны». В ближайшее время курды планируют завершить строительство нефтепровода пропускной способностью 300 тыс. баррелей в сутки для обеспечения сетевых поставок в Турцию. После заключения американо-турецкого соглашения о совместной разведке нефти на территории иракского Курдистана правительство намерено построить еще один нефтепровод для поставок в Турцию. Через него будет перекачиваться около 500 тыс. баррелей в сутки с месторождений, расположенных в районах Акра, Шейхан и Бардараш. Благоприятный инвестиционный климат Курдистана и более высокий, чем в других районах Ирака, уровень безопасности уже привлекли сюда более 50 иностранных нефтяных компаний, инвестировавших в эту отрасль 20 млрд долл. Официальный Багдад, болезненно воспринимающий стремление Эрбиля стать самостоятельным игро-

ком на мировом рынке углеводородов, считает подобную самостоятельность во внешнеэкономической сфере «контрабандой и расхищением собственности иракского народа» [20]. Центральные власти страны будут пытаться сохранить сложившееся статус-кво, при котором не менее 80% нефтяных доходов страны оседает в столице.

В целом страна переживает значительные трудности в экономике и социальной сфере. Государство, обладающее очень крупными запасами углеводородов, не может наладить нормальное функционирование экономики, увеличить или хотя бы стабилизировать жизненный уровень населения. В стране постоянно происходят перебои в подаче электроэнергии, остро ощущается нехватка пресной воды, нестабильно работает транспорт, нарушен воспроизводственный процесс в сельском хозяйстве, на высоком уровне сохраняется безработица, сложным остается положение дел в сфере медицинского обслуживания населения. Большая часть бюджетных ассигнований тратится на прямую поддержку населения, включая продовольственные пайки. Сохраняющаяся в Ираке политическая нестабильность, отсутствие в стране надлежащей законодательной базы, серьезные проблемы в деле обеспечения безопасности, всеисилие местной бюрократии отталкивают многих иностранных инвесторов от работы в стране [44].

В настоящее время из Ирака в Сирию идут потоки суннитских боевиков на помощь оппозиции. Падение режима в Сирии привело бы к усилению антишиитской активности суннитов в самом Ираке, а поток джихадистов стал бы двусторонним: из Сирии — в Ирак и из Ирака — в Сирию. Сейчас главное место их сосредоточения — сирийско-иракская граница. Такую ситуацию создал сам Дамаск. Он поддержал суннитских повстанцев против войск США и правительства в Ираке в 2003–2007 гг.

В конечном итоге в районе сирийско-иракской границы может возникнуть суннитское квазигосударство, так как по

обе стороны границы проживают одни и те же племена. Амир (глава) «Исламского государства Ирак», представляющего собой действующее на иракской территории объединение суннитских группировок, «ядро» которого составляет «Аль-Каида в стране Двух Великих Рек» (*Аль-каида фи-бияд ар-рафидайн*), заявляет, что распускаются две организации – «Исламское государство Ирак» и «Фронт поддержки населения Великой Сирии» (*Джабха ан-нусра ли-ахль аш-шам*), и они превращаются в новую – «Исламское государство Великой Сирии и Ирака» (*Ад-дауля аль-исламийя фи-бияд аш-шам ва-ль-ирак*)⁸. Таким образом, возникает основа для нового квазигосударственного образования, включающего в себя части территории Ирака и Сирии, контролируемые «Аль-Каидой» и ассоциированными с нею суннитскими группировками.

Провозглашение «Исламского государства Великой Сирии и Ирака» – эпизод в той борьбе за послеасадовское политическое устройство Сирии, которая идёт между множеством группировок и центров силы, включая зарубежные.

Для Ирака так же, как и для двух других соседних с Сирией государств (Ливан и Иордания), отрицательные последствия дестабилизации в этой стране схожи:

- Нарастание потока беженцев.
- Усиление межконфессионального и межгосударственного конфликтов; под влиянием сирийского кризиса обостряются отношения между суннитами и шиитами в Ливане, Ираке и даже в Йемене.
- Возможность распространения и применения ОМП.
- Ослабление правящих режимов (в первую очередь в Ливане и Иордании).
- Резкое ухудшение экономического положения.

Позитивный для Ирака сценарий состоит в урегулировании или, по меньшей мере, в существенном ослаблении нака-

ла межконфессиональных и международных конфликтов на основе общенационального диалога при минимальном вмешательстве внешних сил. В этом случае возрождение иракской экономики, укрепление армии позволят стране вновь выдвинуться в качестве одного из региональных лидеров, выстроить более равноправные, чем в настоящее время, отношения с Ираном, США, создать основу для сотрудничества с соседними арабскими странами и Турцией. Возникнет реальная возможность для восстановления существовавших в прошлом многосторонних отношений между Ираком и Россией, прежде всего в экономической сфере и в области ВТС.

Однако более реален негативный сценарий. Центральная власть не способна примирить основных участников противостояния, которые не готовы к компромиссам. При отсутствии единой линии фронта и наличии многочисленных «водоразделов второго уровня», обилии оружия и террористического подполья ситуация нестабильности будет сохраняться ещё долго. Основные силы видят будущее стран по-разному, но устроить военный переворот и «свалить» власть разношёрстной оппозиции не по силам [43, с. 578–579]. Всё это обеспечит вялотекущий, длительный период нестабильности.

В более отдалённой перспективе восстановить стабильность в стране помогла бы реформа административно-территориального деления страны. Децентрализация государственной власти, передача органам регионального управления более весомых функций по регулированию социально-экономического развития на местах позволило бы сгладить многие сегодняшние противоречия, усилить доверие между руководством в центре и регионах. Однако нынешнее правительство Н. Малики относится негативно к реальной децентрализации на основе федерализма.

⁸ Имеется в виду неудавшийся проект создания после распада Османской империи Великой Сирии («Бияд аш-шам» на территории современных государств – Сирии, Ливана, Израиля, Иордании, а также палестинских территорий: Сектор Газа и Западный берег р. Иордан). Доисламское название территории – Сирия – использовалось до распада Османской империи в 1918 г.

ЛИВАН

Сирийская война неизбежно должна была перекинуться на Ливан, который прочно связан с Сирией не только общими границами, но и историческим прошлым. При всей неоднозначности сирийского вмешательства во внутриконфессиональный конфликт в Ливане в 1976 г., всё же именно Сирия во многом способствовала прекращению гражданской войны в Ливане, согласившись ввести по решению ЛАГ свой контингент войск для разведения враждующих сторон⁹. Вместе с тем присутствие сирийских войск и спецслужб в Ливане вплоть до 2004 г. имело несколько негативных следствий для самой Сирии.

Поддерживая в Ливане шиитское население и укрепляя шиитские политические и военные структуры, а также пробаасистские и антиизраильские организации и движения, Сирия тем самым подталкивала ливанское общество к расколу на два лагеря. Первый представлен шиитским движением «Хизбалла» («Партия Аллаха»), которая имеет собственную тридцатитысячную армию. Сейчас оппозиционная коалиция «8 марта», возглавляемая «Хизбаллой», располагает 57 местами в 128-местном ливанском парламенте и пользуется поддержкой Сирии и Ирана. Коалиция «8 марта» объединяет также шиитское движение «Амаль» («Надежда»), часть суннитской общины, возглавляемой семейным кланом Караме; Свободное национальное движение под руководством генерала-христианина М. Ауна, сторонников партии «Баас», насеристов и коммунистов.

Второй лагерь — прозападная и антисирийская коалиция «14 марта» (69 мест) — объединяет суннитскую партию «Тайяр аль-Мустакбаль» («Движение за будущее»), возглавляемую Саадом Харири. Партия поддерживает ливанское правительство во главе с суннитом Тамма-

мом Саламом и президента христианина-маронита Мишеля Сулеймана. Коалиция включает также правое движение христиан-маронитов «Катаиб» («Фаланги»), возглавляемое кланом Жмайель, и движение Ливанские силы, объединяющее право-христианские кланы Шамуна и Франжье.

Активное и продолжительное вмешательство Сирии во внутривнутриполитическую жизнь Ливана всегда вызывало негативную реакцию Запада и Аравийских монархий. Ближневосточная политика президента США Дж. Буша (2001–2009) была нацелена не только на устранение режима С. Хусейна, но и режима Б. Асада, который явно не собирался вносить принципиальные изменения в политику своего покойного отца. После свержения С. Хусейна в апреле 2003 г., как и ожидалось, США предъявили Сирии аналогичные обвинения в поддержке международного терроризма. Модель, в соответствии с которой Госдепартамент США выстраивал свои отношения с Дамаском, по сути, ничем не отличалась от иракской. На этот раз в качестве предлога политического давления на Сирию ее руководству в ультимативной форме предлагалось назвать виновных в убийстве бывшего премьер-министра Ливана Рафика Харири, т.е. фактически взять на себя ответственность за подготовку и организацию этого теракта; отказаться от участия в решении ливанских проблем и, наконец, прекратить поддержку «Хизбаллы» и ХАМАС. Как и накануне вторжения в Ирак, американская дипломатия предпринимала активные действия в целях подключения ООН, прежде всего Совета Безопасности, к разработке пакета санкций против Сирии.

Военные эксперты не исключали повторения иракских событий в Сирии еще 2003 г. Однако, опять же оглядываясь на

⁹ Эту точку зрения, в частности, разделяет известный российский специалист по истории и внешней политике Сирии Б.В. Долгов [10].

иракский опыт, американская администрация явно была не заинтересована в дестабилизации внутренней обстановки в Сирии, что скорее всего произошло бы в случае ликвидации существующего и, как теперь выяснилось, достаточно устойчивого режима. В 2004 г. США и Франция продавили в СБ ООН резолюцию 1559, которая обязывала Сирию вывести войска из Ливана и разоружить военизированные формирования «Хизбаллы». Но Б. Асад отказался выполнять условия резолюции. Тогда США и их региональные союзники профинансировали т.н. «кедровую революцию» – массовую кампанию протеста против политики Дамаска в Ливане. Б. Асад вынужден был пойти на уступки, и к апрелю 2005 г. сирийские войска покинули Ливан, передав военные базы в долине Бекаа в распоряжение «Хизбаллы».

Сейчас Сирия напоминает Ливан 1970–1980-х гг. При этом в самом Ливане гражданское противостояние на конфессиональной почве расползается по всей стране. В долине Бекаа постоянно идут столкновения между военизированными бригадами «Хизбаллы» и боевиками ССА, которые прорываются отсюда на сирийскую территорию. 2 августа 2013 г. восточная часть Бейрута подверглась ночью ракетному обстрелу. Две ракеты взорвались поблизости от комплекса зданий ливанской армии и президентского дворца. С октября 2013 г. в Триполи на границе, разделяющей алавитский квартал Джабаль Мохсен и суннитский Баб Тебане, постоянно идут бои между сирийскими мятежниками и боевиками «Хизбаллы». 19 ноября два взрыва прогремели около иранского посольства в Бейруте, жертвами которых стали 26 человек, в том числе иранский дипломат; еще 155 получили ранения. В августе в районе Бейрута, находящемся под контролем «Хизбаллы», в результате теракта были убиты 10 человек и 120 получили ранения.

За время вооруженного конфликта в Сирии Ливан с населением в 4 млн уже принял 0,5 млн сирийских беженцев – в основном суннитов. Ещё почти 0,5 млн палестинских беженцев проживают в 12 лагерях. Таким образом, сейчас в Ли-

ване каждый четвертый – это беженец из соседних стран. В конфессиональном отношении Ливан раздроблен даже больше, чем Сирия, и хрупкий баланс сил между основными конфессиями – христианами, суннитами и шиитами – стал неизбежно разрушаться по мере притока беженцев-суннитов. Положение усугубляется тем, что от 5 до 6 тыс. бойцов «Хизбаллы» сражаются в Сирии на стороне правительственных войск. Это обстоятельство в любой момент может быть использовано многочисленными недоброжелателями Б. Асада для обвинения его в пособничестве терроризму, поскольку в США, ряде государств Евросоюза и Аравийского полуострова «Хизбалла» входит в список запрещённых террористических организаций. Есть также большая вероятность того, что коалиция «Хизбаллы» и их политических союзников одержит победу на предстоящих парламентских выборах в 2014 г. Западные страны, прежде всего США, и их стратегический союзник Израиль уже сейчас заявляют о недопустимости прихода к власти «Хизбаллы». В Тель-Авиве серьёзно опасаются, что Дамаск может передать «Хизбалле» имеющиеся в его распоряжении баллистические ракеты с радиусом действия до 1 500 км. Вероятность обстрела ракетами из Сирии или Ливана израильской территории и развертывания открытых военных действий между Израилем и «Хизбалой» невелика. Все стороны хорошо осознают, что ответ Израиля будет крайне жёстким и неадекватным. Опасность исходит от неспособности ливанских властей урегулировать внутриконтрессинальный конфликт. Президентская власть не имеет общественной поддержки. Премьер-министр не может сформировать правительство. Парламент бездействует, а выборы нового его состава постоянно откладываются. Армия не может обеспечить безопасность даже в столице. В такой нездоровой обстановке в стране может вновь в любой момент вспыхнуть с новой силой гражданская война, остановить которую, как представляется, будет невозможно без иностранной интервенции.

ИОРДАНИЯ

Будучи искусственным образованием, созданным на потребу геополитическим интересам Великобритании после Первой мировой войны при разделе европейскими державами-победительницами арабских владений Османской империи, Хашимитское королевство всегда было зависимо от внешних факторов. Иордания обладает весьма ограниченными природными ресурсами. Из-за хронического превышения объёмов импорта над экспортом страна имеет колоссальный внешний долг, равный 22 млрд долл. Безработица составляет 30 %. Пятая часть ВВП формируется за счёт поступления финансовых средств из-за рубежа [17]. Стабильная ориентация на США, Великобританию и богатые арабские монархии – единственный путь выживания иорданской монархии. Финансовая и военная помощь из США, Евросоюза и стран ССАГПЗ является основой политической и экономической жизнеспособности королевства. Отказ от территориальных претензий на Западный берег, соблюдение всех обязательств по иордано-израильскому договору, выдворение за пределы страны представителей ХАМАС несомненно позволило Иордании стать первой арабской страной, подписавшей в 2000 г. с США договор о свободной торговле и получить статус заемщика МБРР, позволяющий брать льготные и несвязанные кредиты. Иордания занимает второе после Израиля место среди всех стран – получателей американской помощи, которая составляет около

800 млн долл. ежегодно. Без всесторонней поддержки БАПОР и других структур ООН Иордания самостоятельно не способна обеспечить содержание лагерей палестинских беженцев.

Несмотря на значительный приток иностранных инвестиций, Иордания остается бедной страной¹⁰. Каждый десятый иорданец работает за рубежом, и правительство поощряет эмиграцию, поскольку переводы трудовых мигрантов составляют 20 % ВВП.

Помимо того, что Иордания является страной-реципиентом, она также стала заложницей палестинской проблемы, порожденной арабо-израильским конфликтом. Согласно официальным данным, на территории королевства проживает 43 % палестинцев – выходцев из Газы и Западного берега [46]. Но этот показатель почти соответствует числу палестинских беженцев, зарегистрированных в различных учреждениях БАПОР, действующих на территории Иордании. По данным ООН, в 2012 г. в Иордании с её 6-миллионным населением насчитывалось 1 979 580 палестинских беженцев; из них 346 тыс. человек проживали в десяти лагерях БАПОР [74]. Однако есть серьёзные исследования, в которых доказывается, что палестинские беженцы и их потомки составляют не менее двух третей Хашимитского королевства [3].

После «Чёрного сентября» 1970 г.¹¹ палестинцы рассматриваются традиционным руководством Иордании в качестве дестабилизирующего фактора.

¹⁰ По показателям ежегодной классификации стран по уровню дохода на душу населения Иордания относится к числу стран «с доходом ниже среднего уровня» – чуть более 1000 долл. на человека в год (Classification of Countries is from the World Bank, July 2012, on the basis of 2011 GNI per capita).

¹¹ К 1968 г. обозначились серьезные трения между иорданской и палестинской сторонами, вызванные чрезмерной самостоятельностью ООП и её нежеланием считаться и координировать свою деятельность с официальным Амманом. В июне 1970 г. противостояние иорданских властей с палестинцами и попытки разоружить палестинских боевиков переросли в вооружённый конфликт. В ходе столкновений, известных как события «Чёрного сентября», регулярные части иорданской армии уничтожили около 3,5 тыс. «фидайнов»; всего было убито около 20 тыс. палестинцев, более 120 тыс. участников ПДС были выдворены из страны. Штаб-квартира ООП была эвакуирована в Ливан.

Процесс натурализации палестинского населения был приостановлен. За последние сорок лет были отмечены лишь единичные случаи предоставления полноценного иорданского подданства палестинцам. Этим статусом по состоянию на 2007 г. обладала лишь четвертая часть палестинской диаспоры. В основном это — переселенцы с Западного берега времен арабо-израильской войны 1948–1949 гг. и их потомки. В отличие от палестинцев, которые получили гражданство по Закону об иорданском подданстве от 14 мая 1948 г., беженцы и перемещенные лица, осевшие в Иордании в 1967 г., имеют статус лиц, временно проживающих на территории Иордании [67, р. 10–11]. Эти палестинцы обязаны постоянно продлевать свои временные паспорта. Официальная позиция иорданских властей предполагает репатриацию этой категории палестинских беженцев на территорию будущего палестинского государства [2, с. 38]. Такая позиция позволяет существенно ограничивать обладателей временных паспортов в политических и экономических правах и свободах.

Политическая ситуация в Иордании усугубляется ещё и тем, что, помимо палестинцев, на территории страны разместились около миллиона беженцев из Ирака и почти полмиллиона беженцев из Сирии [72].

Монархический двор опирается на коренных восточноиорданцев, которые составляют государственную элиту и формируют армию госслужащих. Последние не скрывают своего недовольства ростом численности переселенцев с Западного берега Иордана и из других соседних стран. Их более чем устраивает существующая распределительная система, гарантирующая всевозможные льготы и привилегии. Сейчас коренные жители страны (бедуины — 33 % и выходцы с Кавказа — 3 %) [65] имеют 85 % мест в парламенте и обладают 23 из 30 министерских портфелей; армейская элита на сто процентов состоит из восточноиорданцев. На содержание чиновников и племенных администра-

тивных учреждений уходит почти 60 % правительственных расходов.

У местных бедуинских вождей и потомков выходцев с Кавказа есть достаточно серьёзный повод для недовольства нынешним королем Абдаллой II. И дело не только в том, что мать монарха — иностранка, а в том, что он женился на Рании Фейсал аль-Ясин — представительнице одного из самых влиятельных и богатых палестинских кланов, причём как на Западном берегу, так и в самой Иордании. Её старший сын Хусейн 1994 г. рождения является законным престолонаследником. Когда старший сын Абдаллы II и Рании стал совершеннолетним, по всей Иордании поползли слухи, что королева активно занимается скупкой земли и предоставлением гражданства десяткам тысяч палестинцев. В феврале 2011 г. старейшины 36 бедуинских племен и кланов направили Абдалле II петицию, в которой раскритиковали его супругу, выразив недовольство её палестинским происхождением, и призвали «отобрать находящиеся в распоряжении семьи Ясин земли и передать их иорданскому народу» [70]. Авторы обращения подчеркнули, что игнорирование их предупреждений может привести к повторению в Иордании тунисских и египетских событий.

На фоне событий «арабской весны», приведших к устранению от власти в Египте одного из основных региональных союзников Иордании президента Х. Мубарака (среди арабских стран только Египет и Иордания имеют дипотношения с Израилем) и перерастанию конфликта в Сирии в полномасштабную гражданскую войну (в 2004 г. Абдалла II подписал соглашение об урегулировании пограничных споров с сирийским политическим руководством), этот инцидент стал отправной точкой для изменения политики королевства в сторону отказа от продолжения либерально-демократических реформ. Очевидно, что в современной ситуации, когда вызванная «арабской весной» волна протестных выступлений

докатилась непосредственно до границ Иордании, Абдалла II не допустит никаких демократических послаблений в законодательстве, которые устраивали бы исламистов.

Амман сразу после начала вооруженных столкновений сирийской оппозиции с правительственными войсками выступил против введения санкций ЛАГ в отношении Сирии, а также ответил отказом на обращение Саудовской Аравии и Катара о размещении на территории Иордании базы т.н. миротворческих сил ЛАГ. Безусловно, трансфер вооружённых отрядов противников режима Б. Асада продолжает идти через прозрачную сирийско-иорданскую границу. Однако иорданские власти скорее стремятся противодействовать этому. Так, 21 октября 2012 г. спецслужбы Иордании заявили о раскрытии заговора, организованного «Аль-Каидой». По информации иорданских властей, в ходе спецоперации были арестованы 11 человек, которые, по данным следствия, готовили террористические атаки на посольства иностранных государств и общественные места в столице Иордании. Иорданские спецслужбы отмечали, что взрывчатку и боеприпасы террористы получили из соседней Сирии. Под предлогом борьбы с терроризмом иорданские власти закрыли иордано-сирийскую границу, заявив, что уже размещённые в лагерях сирийские беженцы не получают иорданское гражданство. Таким образом, официальный Амман дал ясно понять, что он не заинтересован в дестабилизации положения в Сирии и поддержке радикальной сирийской оппозиции, которая солидаризируется с иорданскими исламистами, а те, в свою очередь, не скрывают своей ненависти к Абдалле II и его окружению. Один из лидеров Исламского фронта действия (иорданское ответвление «Братьев-мусульман») Немер аль-Ассаф открыто заявил: «Эти реформы не имеют никакого значения; они лишены смысла. Если бы мы смогли избавиться от монархии, то это было бы только на пользу народа... Это самое

главное. Мы не принимаем монархию ни сейчас, ни в будущем» [18].

Примечательно, что влияние исламистов в Иордании усиливается не только среди палестинцев, но и среди восточноиорданцев. Уровень поддержки «Хизбаллы» в Иордании – 55 % (даже в Ливане этот показатель составляет 52 %); ХАМАС поддерживают 60 % респондентов (на Западном берегу – около 50 % палестинцев; в Египте – 49 %), а «Аль-Каиду» – 34 % (в Египте – 20 %) [28].

Под влиянием событий года в Тунисе, Египте, Ливии, Йемене в различных районах Иордании прошли массовые антиправительственные митинги и демонстрации. Примечательно, что протестное движение охватило не только места концентрации палестинского населения (Амман, Ирбид, Зарка), но и населённые пункты, где проживают преимущественно коренные иорданцы (Маан, Аджлун, Дибан, Керак, Салт). Акции протеста были вызваны ухудшением экономического положения, прежде всего резким ростом цен на бензин и продукты питания. Власти незамедлительно отреагировали в традиционной манере: 0,5 млрд долл. были выделены на зарплаты госслужащим и регулирование цен на топливо и товары первой необходимости. Значительная часть денег была оперативно предоставлена США и Евросоюзом; в 2011 г. Иордания также получила помощь в размере 1,6 млрд долл. от Саудовской Аравии и других нефтедобывающих стран Аравийского полуострова [26]. Непопулярное правительство Самира Рифаи было отправлено в отставку. Очередным премьер-министром был назначен генерал Маруф Бахит – выходец из влиятельного восточноиорданского клана аль-Аббади. Пока этих мер оказалось вполне достаточно для противодействия опасности развития тех сценариев, которые уже привели к падению режимов в некоторых арабских странах. Правда за финансовую поддержку стран ССАГПЗ Иордания была вынуждена согласиться разместить моторизованную саудов-

скую бригаду на сиро-иорданской границе в районе Ровайшед.

В настоящее время неблагоприятная экономическая конъюнктура и крайне нестабильная обстановка на границах Иордании с Сирией, Ираком и зоной палестино-израильского противостояния будут объективно способствовать росту активности исламистов, в том числе сторонников исламского экстремизма, выступающих с призывами к свержению Хашимитской монархии. В этой связи не исключена вероятность массовых протестных выступлений антимонархического характера.

Вместе с тем монархический двор хорошо осознает зависимость своего существования от развития общей ситуации на Ближнем Востоке, а также финансовой и военной поддержки влиятельных западных стран и нефтедобывающих монархий Аравийского полуострова. Иорданские власти, ради сохранения существующего статус-кво, будут намеренно ставить страну в зависимое положение от политических интересов США и Саудовской Аравии в регионе, получая взамен всевозможные преференции, в том числе военную помощь в случае возникновения угрозы безопасности королевства.

АРАВИЙСКИЕ МОНАРХИИ

Королевство Саудовская Аравия (КСА) наряду с другими аравийскими монархиями (за исключением Бахрейна) пока остаётся вне зоны арабской «оттепели». Властям этой страны удалось сохранить политическую и социальную стабильность, в основе которой многие годы было сочетание трёх факторов. Во-первых, доходы от экспорта нефти давали возможность устранять реальные и потенциальные очаги социального протеста. Во-вторых, режим поддерживал союзнические отношения с консервативными религиозными кругами и лидерами племенных кланов. В-третьих, национальная безопасность гарантировалась западными державами, в первую очередь США.

В то же время за кажущимся спокойствием скрываются обострившиеся в последнее время внутривнутриполитические и социальные противоречия, экономические проблемы. Образ процветающего и богатого аравийского государства не вполне соответствует действительности.

В начале XXI в. экономическая и социально-политическая обстановка в Саудовской Аравии существенно обострилась. Долгосрочные программы диверсификации экономики не уменьшили зависимость страны от экспорта нефти. Удельный вес добывающей промышленности в ВВП составил в 2012 г. 52,9 %, обрабатывающей индустрии – 10,0 %, услуг – 35,0 %, сельского хозяйства – 2,0 % [76]. В то же время в результате стабильного роста внутреннего потребления энергоносителей (в среднем на 7 % в год) доля производства, остающаяся для внешнего рынка, сократилась с 76 % в 2000 г. до 65 % в 2011 г. Показатель ВВП на душу населения в КСА – самый низкий среди стран ССАГПЗ. В период с 2000 по 2011 гг. он почти не изменился и составлял около 20 тыс. долл. США.

Среднегодовые темпы роста численности населения Саудовской Аравии в течение последних четырёх десятилетий являлись одними из самых высоких

в мире и составляли 4 %. В результате высоких темпов роста населения, которое увеличилось с 20,0 млн в 2000 г. до 27,4 млн в 2010 г. [66], а также недостаточной диверсификации экономики рынок труда не в состоянии абсорбировать дополнительную рабочую силу. Возможности госсектора по трудоустройству в основном исчерпаны, а в частном секторе на мигрантов приходится до 90 % рабочей силы. Безработица превышает 20 % трудоспособного населения. По официальным данным, 670 тыс. семей (около 3 млн человек) живут ниже уровня бедности [54].

Прогнозируется, что, несмотря на наметившуюся в последние годы тенденцию к снижению рождаемости в этой стране, к 2050 г. число её жителей увеличится до 45 млн человек. Это означает, что руководству королевства предстоит обеспечить рабочие места растущему числу молодых саудовцев (как мужчин, так и женщин), а работающим гражданам – достойное существование в старости. Даже для Саудовской Аравии с её огромными нефтяными ресурсами это непростая задача [33].

Блок внутренних противоречий имеет и конфессиональную основу. КСА в этом отношении не является исключением на Арабском Востоке. Религиозная принадлежность здесь, как правило, определяет характер общественной структуры, политической системы, систему взаимоотношений по линии государственное руководство/население страны. Основу официального религиозного института в КСА составляют улемы, придерживающиеся ханбалитского толка в его ваххабитской интерпретации. Представители других толков и течений в исламе участия в выработке и принятии политических решений не принимают.

Шиитская община является одной из составных частей оппозиционного потенциала королевства. Внутренние конфликты и расколы в стране происходят по двум линиям: политический истеблишмент – внесистемная оппозиция, консерваторы – либералы. Оппозиция

представлена радикальными ваххабитами, представителями организаций шиитского меньшинства. На деятельность исламской оппозиции заметное влияние оказывают различного рода религиозные разногласия: между суннитами и шиитами в Восточной провинции, трения между традиционалистами в приморских городах и консервативными ваххабитами в Неджде, между шафиитами и шиитами в Хиджазе. Таким образом, в стране сохраняется сложная конфессиональная ситуация, хотя власти и пытаются это отрицать [11].

Исследователи обращают внимание на неясность и противоречивость статуса шиитов в КСА [27, с. 105]. Сама теология шиизма определяет политизированность и повышенную социальную активность шиитов. В других странах с многочисленной шиитской общиной эта активность выплеснулась в последние годы в форме протестного движения (Бахрейн) или даже привела к разгоранию гражданской войны (в первую очередь в Ираке). В Саудовской Аравии этого не произошло: шииты остаются дискриминированным меньшинством, политическая активность которого жестко подавляется правящим режимом.

В изменившейся ситуации в регионе – в ходе усиления шиитско-суннитского противостояния во время «арабской весны» – саудовские шииты также не смогли создать реальную угрозу королевской семье и ассоциированным с нею кланам. Сказались слабая организованность протестного процесса и политическая разобщённость саудовских шиитов. Следует учитывать ограниченность свободы для политической консолидации в стране. Политическая оппозиция как формализованное движение, противостоящее власти, пока ещё отсутствует. Значительная часть оппозиционеров вынуждена проживать и работать за рубежом – в Западной Европе, США и некоторых арабских государствах. Наиболее радикальной неформальной шиитской группировкой считается местная «Хизбалла» (до 1 000

активистов). Более умеренным является «Аль-Исляхийя» — «Шиитское движение за реформы».

Суть современной государственной политики королевства по отношению к шиитскому меньшинству состоит в сочетании формального предоставления новых прав шиитам и ужесточения фактического контроля над деятельностью формальных и неформальных объединений внутри общины. Большую роль в умиротворении шиитской и иной оппозиции играет перераспределение нефтяных доходов. Направляя дополнительные финансовые ресурсы (а это миллиарды долларов) на решение социальных проблем, саудовское государство снижает степень недовольства в обществе, существенно нивелирует влияние «арабской весны» на своих граждан.

В условиях современной политической и социальной турбулентности в арабском мире одной из главных задач саудовского руководства является поддержание стабильности режима на основе сохранения баланса сил между различными слоями общества, подавления сепаратистских движений. Результативность такой политики будет определяться, во-первых, готовностью режима к трансформации в направлении частичной либерализации внутриполитической жизни, во-вторых, степенью консолидированности оппозиции, в том числе внутри шиитской общины. Внешнее давление на саудовское руководство с целью ускорения начала реформирования, а также поддержка оппозиционных групп со стороны зарубежных государств будут носить деструктивный характер.

Уязвимость правящей элиты связана, помимо прочего, и с тем, что Саудовское королевство было насильно сшито его основателем из разнородных территорий. Нынешние правители осознают потенциальную возможность раскола страны на восточную (шиитскую) часть, северо-западную часть, исторически тяготеющую к Иордании, и южные районы, имеющие давние связи с Йеменом.

Сепаратистские настроения сохраняются в Хиджазе. Кроме того, многие племена не забыли насилия Саудилов в прежние времена [11].

Прогнозирование решения шиитской проблемы в КСА затруднено недостаточной предсказуемостью развития ситуации в регионе в целом, но из существующих сценариев трансформации напряжённых отношений между суннитами и шиитами, которая затронет интересы саудовских шиитов, возможными представляются следующие:

- В ходе нарастающего ирано-саудовского соперничества за доминирование в регионе Большого Ближнего Востока и в мусульманском мире в целом суннитские движения перехватывают политическую инициативу и при поддержке внешних сил (арабийские монархии или Турция) образуется надгосударственный «новый халифат» в составе Египта, Сирии и кого-то из названных государств-инициаторов такого объединения. Позиции саудовских шиитов при этом сильно ослабнут.
- Оманский сценарий. Так называемый мирный вариант предполагает шиитско-суннитский диалог на основе сплочения либеральной суннитской оппозиции и конструктивно настроенных шиитов. Если такой альянс одержит верх над суннитскими консерваторами, появятся шансы на переустройство саудовского общества на принципах большей, чем ранее, социальной справедливости и демократизации политической системы. Всё это будет способствовать возрождению саудовской шиитской общины. За своего рода образец может быть взят опыт соседней арабийской монархии — Омана, где власти, придерживаясь либеральных политических подходов, избегают «острых углов» в вопросах межконфессионального общения. В отличие от Саудовской Аравии или Бахрейна, положение шиитов в Омане кардинальным образом отличается от положения их единоверцев в соседних государствах ССАГПЗ. Невзи-

рая на свою малочисленность (около 100 тыс. человек), оманские шииты издавна занимали важную нишу в торговых связях Омана с зарубежными государствами. Среди оманских шиитов существует большое количество видных бизнесменов, курирующих реализацию ряда национальных инфраструктурных проектов. Местные шииты никогда не испытывали дискриминационного отношения в вопросах карьерного роста [39].

- Наиболее благоприятный для шиитов вариант — начало «арабской весны» на Аравийском полуострове и создание своего рода союза шиитских государств (территорий) по обе стороны Персидского залива [25]. Нельзя, однако, не отметить, что подобные геополитические изменения чреваты серьёзной дестабилизацией системы международных отношений в регионе и вокруг него.

При том что все эти три сценария трудно реализуемы в ближайшее время, последний из них, очевидно, является наименее вероятным, по крайней мере, в среднесрочной перспективе.

В области внешней политики положение КСА и ССАГПЗ в целом представляется не более благоприятным. Накануне и в начале «арабской весны» в регионе росло влияние монархий зоны Персидского залива, в первую очередь Королевства Саудовская Аравия (КСА). Баланс влияния между основными претендентами на лидерство на Ближнем Востоке и в мусульманском мире в целом (Египет, Саудовская Аравия, Иран, Турция) смещался в сторону КСА. Арабские монархии (в первую очередь — стран ССАГПЗ) явились движущей силой перерастания ближневосточных «революций» в контрреволюции, а именно утверждения на региональном уровне власти консервативных суннитских монархических режимов [см., напр.: 13].

Однако усилия Саудовской Аравии по изменению регионального политического ландшафта к началу 2014 г. не увенчались успехом. Смещение близ-

кого к КСА государственного руководства в Египте и дипломатическая победа противников устранения режима Асада в Сирии наряду с усилением иранского влияния в Ираке и некоторым сближением Ирана и стран Запада по проблеме реализации иранской ядерной программы ослабили позиции королевства как претендента на региональное лидерство. Болезненное восприятие саудовским руководством этих событий отразилось в нашумевшем решении КСА отказаться от места непостоянного члена Совета безопасности ООН 18 октября 2013 г. Сам факт избрания этой страны в международный орган такого уровня в иной ситуации закрепил бы её доминирование в мусульманском мире и стал бы важной вехой в ирано-саудовском противоборстве. При принятии данного решения саудовцы поспешили обвинить Совбез в двойных стандартах, возложили на него вину за неурегулированность сирийского кризиса, палестино-израильского конфликта, неудачу в создании на Ближнем Востоке зоны, свободной от оружия массового поражения.

Ослабление своего внешнеполитического положения саудовцы будут пытаться компенсировать структурными сдвигами в Совете сотрудничества и укреплением своей ведущей роли в ССАГПЗ.

Одним из последствий «арабской весны» стало инициированное КСА движение в сторону структурной трансформации Совета сотрудничества. Как предполагается, она будет протекать по двум направлениям. Во-первых, еще в мае 2011 г. Совет объявил о поэтапном включении в его состав ещё двух арабских монархий — Иордании и Марокко. Во-вторых, в декабре того же года саудовский монарх выступил с инициативой перейти от этапа сотрудничества к этапу союза, предполагающего частичный отказ от национального суверенитета. Движение в этом направлении, скорее всего, будет продолжаться, но весьма медленными темпами, учитывая опасения партнеров КСА относитель-

но дальнейшего усиления саудовского влияния [23, с. 133]. Королевство всегда было несущей конструкцией Совета сотрудничества. В любом случае саудовцы будут всемерно пресекать центробежные тенденции в организации, инициируемые как внешними силами (Ираном), так и внутренней оппозицией. События на Бахрейне, начавшиеся зимой 2011 г., наглядно это продемонстрировали.

Скорее всего, поменяется и тактика саудовских властей в отношении зарубежных исламистских формирований, призванных поддерживать интересы королевства в тех или иных частях Ближнего Востока. В последнее время саудовская помощь смещается в сторону политических групп, чья деятельность не носит явно экстремистского характера. Ставка на радикально настроенных джихадистов, как показал опыт Афганистана, Сирии и ряда других стран, не только вредит имиджу КСА на мировой арене, но и способна обернуться подъёмом волны терроризма в самом королевстве.

Среди внутренних противоречий в ССАГПЗ следует выделить острое соперничество, в том числе на религиозно-идеологической основе, между КСА и Катаром. Последний, добившийся в начале XXI в. существенных успехов в ускорении экономического роста, диверсификации своей экономики, внешней торговой и инвестиционной экспансии, проводит всё более независимый от саудовского руководства внешнеполитический курс. Катар сохраняет приверженность утратившим свои позиции в Египте «Братьям-мусульманам» и вместе с Турцией выступает в их поддержку, в то время как Саудовская Аравия, делавшая ставку на салафитов, меняет ориентацию на новые светские силы, в том числе и представляющие страны режимы (египетские военные) [15]. Эти расхождения будут в среднесрочной перспективе осложнять работу Совета

сотрудничества, в частности по укреплению региональной безопасности, валютно-финансовой интеграции в форме создания валютного союза.

Столкновение амбиций КСА и Катара идёт по нарастающей. В начале 2014 г. последний заморозил своё участие в антисирийском блоке, переключился на защиту патронируемых им исламистов в Тунисе и Египте. Обострение отношений Катара с КСА привело к его временному альянсу с Ираном, конкуренции в Ливии, Афганистане, Африке, Центральной Азии и на Западе [32].

Для более или менее успешного ответа на вызовы «арабской весны» аравийским монархиям придётся осуществлять в той или иной форме внутривнутриполитическую модернизацию. Несмотря на частичную модернизацию политических систем в странах ССАГПЗ за годы существования этой организации, этот процесс идёт медленно и носит «разноскоростной» характер. В Саудовской Аравии реформирование не внесло кардинальных изменений в традиционное распределение обязанностей между двумя центрами силы — политической и религиозной элитами. Формирование третьего полюса национальной политики — так называемого «образованного класса» (представители университетов, журналистов, специалистов в области прикладной науки и техники) идёт медленно и находится под жёстким контролем королевской семьи. Заметных сдвигов в консервативной политической системе саудовского общества в ближайшем будущем и в среднесрочной перспективе не предвидится. Остро стоит проблема передачи верховной власти, которая сосредоточена в руках представителей «поколения 80-90-летних детей основателя государства» [32]. Робкая и непоследовательная модернизация не трансформирует саму политическую элиту, «продолжающую играть свою традиционную бедуинско-исламскую патриархальную роль «благодетеля» в отношении подданных [22, с. 48].

ЙЕМЕН

Как показывает опыт Йемена и ряда других арабских стран, переход Арабского мира к формированию новых общественно-политических укладов осложняется дезинтеграционными процессами, сепаратизмом, корни которого уходят в колониальный период и доколониальную эпоху. Вполне возможно, что ко времени завершения нынешнего этапа трансформации ближневосточных стран (а на это уйдёт не одно десятилетие) сегодняшние географические карты устареют, на них придётся отображать новые государственные образования.

Вопрос о том, как будет устроено йеменское государство — на унитарной или федеративной основе — является для страны наиболее важным и в то же время самым болезненным. Один из вариантов ответа на него должен быть заложен в новую конституцию страны и стать основой будущей долговременной политической стабильности. Участвующие в противоречивом политическом процессе стороны выдвигают широкий спектр предложений — от сохранения нынешней унитарной системы до местного самоуправления на уровне провинций (мухафаз), создания двуединого федеративного государства, объединяющего Северный и Южный Йемен, требования южан незамедлительно предоставить Югу полную независимость.

Йеменская Республика уже давно выделяется остротой и многообразием внутривнутриполитических, межконфессиональных, клановых проблем, которые пока удаётся смягчать, но которые способны в недалёком будущем расколоть страну и привести к созданию на её территории новых государств.

На йеменскую модель возлагались большие надежды в плане перевода «арабской революции» в мирное русло. Эта модель противопоставлялась ливийскому варианту смены власти через

иностранное вмешательство. Однако смена президента в феврале 2012 г. не увенчалась прекращением политического противоборства. Сепаратистские движения возглавили антиправительственные выступления в двух частях Йемена. На юге страны исламистская группировка «Ансан аш-Шариа», которая, по данным спецслужб США, связана с «Аль-Каидой Аравийского полуострова» (АКАП), а по мнению самих йеменцев — со спецслужбами президента Салеха, сначала провозгласила исламский эмират в Абьяне, а в марте 2012 г. еще и в другой южной йеменской провинции — Шавбе [35, с. 300]. Таким образом, началась «эмиратизация» Юга.

С новой силой разгорелся конфликт на севере. Он перекинулся на провинции Хадджа, Эль-Джауф, Амран, а провинция Саада весной 2012 г. уже год находилась под контролем зейдитского движения аль-Хуси. В качестве противостоящей зейдитам силы вместо правительственных войск выступили салафитские племена, поддерживающие отношения с радикальным крылом «Братьев-мусульман», а также АКАП.

Группировка аль-Хуси насчитывает, по разным оценкам, от 10 до 100 тыс. членов. Она использует как военные методы борьбы, так и мирные формы протеста. В сентябре 2012 г. члены движения в знак осуждения выхода оскорбительного для мусульман фильма «Невинность мусульман» обклеили столицу г. Сана плакатами, флагами и граффити, осуждающими США, удивив своей активностью суннитских исламистов и западных дипломатов. Получая постоянную поддержку от Ирана, аль-Хуси способны распространить своё влияние на другие провинции страны.

Ситуация осложнялась тем, что лишенный официальных рычагов влияния бывший президент Салех в своём стремлении сохранить политическое и

экономическое влияние в стране действует через прирученных исламистов и хуситов. Последним Республиканская гвардия передает оружие из армейских складов.

В ряде районов Йемена наращивает свое присутствие «Аль-Каида» и связанная с нею группировка «Ансар аш-Шариат». «Ансар аш-Шариат» в настоящее время полностью контролирует города Азан и Шаббан в южной провинции Шабва, а также большую часть столицы Абьяна — г. Занджибар. Эти две провинции всё отчетливее приобретают черты опорной базы организации в Йемене. При этом «Аль-Каида» ведёт боевые действия значительным количеством активистов, что расходится с привычным представлением об этой группировке, чьи боевики большей частью скрываются в труднодоступных горных районах. В контролируемых зонах радикалы взяли на себя функции государства по обеспечению безопасности граждан, предоставлению им медицинского обслуживания, налаживанию работы социальной инфраструктуры. Наряду с этим, они ведут теле- и радиовещание пропагандистских программ. Одновременно радикалы смогли организовать сотрудничество с сомалийскими экстремистами и получают от них оружие и боевиков. Области, контролируемые группировкой «Ансар аш-Шариат», очень важны, потому что нефть Йемена и запасы газа находятся большей частью именно в южных провинциях. Исламисты могут использовать это в качестве своего ресурса в случае усиления давления властей на этот регион [29].

Таким образом, в Йемене уже сформировалась исламистская дуга, возглавляемая «Аль-Каидой», в которую вошли южные провинции Абьян и Шабва, нефтеносная провинция Мариб на востоке страны и провинция Аль-Джауф на севере. Следующий возможный шаг — провозглашение единого исламского эмирата на юге Йемена. Сторонники «Аль-Каиды» нашли прибежище во многих районах Йемена. Их цель — установление халифата — далека от

интересов местных племенных образований.

К оппозиционным исламистским организациям принадлежат также: Йеменское объединение в защиту реформ «Ислах», относящееся к системной оппозиции, которое выступает за усиление исламизации; радикальные исламистские группировки — «Исламская армия Адена и Абьяна», «Джама'а исламийа», — ратующие за превращение Йемена в теократическое государство. Подобные организации создаются, прежде всего, суннитами, хотя существуют и зейдитские группы (например, «Аш-Шабаб аль-Муаминин» — «Правверная молодёжь», созданная погибшим шейхом аль-Хуси).

Сепаратизм в современном Йемене имеет вполне определённую экономическую составляющую. Во-первых, северяне, бывший президент Салех и его окружение во время более чем трёх десятилетий нахождения у власти приобрели на территории страны реальные хозяйственные интересы, владея производственными активами и недвижимостью. После гражданской войны 1994 г. клан Салеха и функционеры поддержавшей его тогда партии «Ислах» (в первую очередь братья Ахмары) приватизировали обширную недвижимость, область добычи углеводородов (нефтедобывающая инфраструктура в Хадрамауте) и отрасль мобильной связи на юге страны. Всё это не устраивает основные массы южнотийменского населения, в том числе военных (около 300 тыс. человек), которых вопреки обещаниям не включили в вооружённые силы объединённой страны. Не стоит забывать, что на Арабском Востоке служба в армии является выгодной сферой своего рода экономической активности, а офицерский состав зачастую контролирует весомую часть национальной экономики [31]. Так, до сих пор не завершилось реформирование йеменской армии, в ходе которого идёт борьба за посты в Западном и Северном военных округах. Президент Хади вступил в конфликт с южанами — с Али

Насером Мухаммедом и со сводным братом Салеха Мохсеном аль-Ахмаром. Последний стремится контролировать и Западный округ с многомиллионным теневым оборотом (через него идёт контрабанда оружия, незаконная иммиграция африканцев, в том числе сомалийских проституток, в Саудовскую Аравию), и Северный округ, через который проходят основные каналы поставок товаров и финансовых ресурсов из КСА практически всем шейхам местных йеменских племен [31].

Во-вторых, сепаратизм южных провинций, помимо прочего, связан с находящимися здесь основными нефтяными и газовыми месторождениями, делиться доходами от которых южане не склонны.

В-третьих, лояльность йеменских племен, по сути, становится предметом их торга с йеменскими властями, аравийскими монархиями и Ираном.

Ещё при Салехе имелся специальный список вождей йеменских племен, которым саудовцы ежемесячно переводили денежные средства. Здесь существует своя иерархия. На первом месте остаётся Садык аль-Ахмар, который является ключевой фигурой по распределению пожертвований среди племён группы Хашид. Таким образом, Эр-Рияд покупает лояльность племён на своём юге и сохраняет некий буфер для повстанцев-хуситов. Последние находятся в неприимых отношениях с кланом Ахмар в силу того, что считают себя родственниками последнего имама Йемена, который был свергнут в 1962 г. при прямом участии Ахмаров. По приказу имама был убит дед нынешних фактических руководителей партии «Ислах» – Хамида, Садыка и Хусейна аль-Ахмаров, так что противостояние между двумя этими племенными группами носит очень тяжёлый характер, несмотря на общую конфессиональную принадлежность.

Хуситы получают весьма значительную финансовую помощь из Ирана, что позволяет им делать серьёзные инвестиции в недвижимость и земельные участки. Возможно, и саудовцы покупают

свое спокойствие с помощью денежных переводов сепаратистам. КСА поддерживает повстанцев-хауси в их конфронтации с племенными формированиями Хашид на севере страны.

В финансировании йеменской оппозиции участвует и Катар. Доха начала это делать ещё во время правления Салеха, до того как Эр-Рияд приступил к поддержке оппозиционных сил. В результате Хамид аль-Ахмар согласился на выплату ему содержания от катарцев, которое он получает до сих пор. То же самое в разной степени делают и остальные члены оппозиционного блока, кроме социалистов, которые категорически отказались от иностранной помощи. «Ислах» (а вернее – клан Ахмаров) разделил финансовые потоки следующим образом: Хамид – катарцы, Садык и Хусейн – саудовцы. Напомним, что южане и хуситы получают пожертвования от иранцев.

В-четвертых, нацеленность на государственное отделение юга созвучно стремлению КСА проложить через эти территории трубопровод для экспорта своей нефти, минуя потенциально опасный Ормузский пролив.

В последние два года возникли условия для нескольких вариантов развития (или урегулирования) йеменского кризиса.

Потенциально благоприятный вариант развития событий – созыв Конференции по национальному диалогу (КНД), которая была намечена еще на 15 ноября 2012 г., а затем перенесена на март 2013 г. с участием ведущих политических партий и движений. Это была непростая задача, учитывая негативное отношение к данной идее глубоко вовлечённых в конфликт Мирного движения Юга и Движения аль-Хуси. В ходе подготовки к началу диалога хуситы дали согласие на участие в этом форуме, а южные сепаратисты в качестве альтернативы предложили провести конференцию по вопросу реставрации независимости южного Йемена.

В конце марта 2013 г. конференция, наконец, начала свою работу. На ней

были представлены интересы большинства партий и движений. Существует два очевидных узла, которые предполагается решить в рамках этого диалога. Это проблема автономии Юга и Севера и создание некоей новой модели государственного устройства на принципах широкой автономии регионов. В повестке дня общенациональной конференции стояли также обсуждение конституционной реформы, возрождения йеменской экономики, реформирования государственной службы, судебной системы и местного самоуправления¹².

В перспективе будет весьма непросто обеспечить хрупкое равновесие между имеющимися договорённостями и дестабилизирующими факторами:

- К последним, прежде всего, относится внешнее противоречивое влияние КСА и Ирана, международных экстремистских организаций исламистского толка. США и КСА, формально выступая в качестве спонсоров политического урегулирования, продолжают оказывать содействие противоборствующим сторонам. В том же направлении действует Иран, поддерживающий сепаратистские движения;
- Задачи национального примирения, сохранения территориальной целостности, формирования органов государственной власти и урегулирования отношений с соседями придётся решать в условиях серьёзного дефицита финансово-экономических ресурсов. Экономика страны находится в плачевном состоянии.
- Борьба за ограниченные ресурсы вполне может подорвать усилия властей по нормализации политической обстановки. Следует заметить, что внешнюю помощь получают в основном исламисты, сепаратисты и представители силовых структур, в то время как демократическая часть йеменской оппозиции вынуждена опираться только на свои собственные, весьма ограниченные ресурсы.

Несмотря на острые противоречия между участниками диалога и бойкот южан, на конференции удалось запустить процесс национального диалога и сближения позиций. Как представляется, большую роль здесь сыграл выходец из Южного Йемена, так называемый «технический» президент — Хади. Среди важных для национального примирения решений этого форума следует отметить официальное извинение правительства перед южанами за события гражданской войны 1994 г., начало перераспределения собственности в Южном Йемене в пользу южан, решение о возвращении в армию и спецслужбы уволенных в своё время представителей Юга, выплата компенсаций пенсионерам данной категории граждан. По «южному вопросу» в целом удалось достичь консенсуса относительно необходимости перехода к федеративной системе государственного устройства. Вместе с тем значение такого сближения нивелировалось отсутствием согласия относительно чётко обозначенных административных границ, перераспределения политических полномочий, раздела финансовых и природных ресурсов между Севером и Югом.

КНД формально завершила свою работу в январе 2014 г. Её результаты носили промежуточный характер, поскольку решение главного вопроса — о государственно-административном устройстве — было отложено и поручено президенту Хади, взаимодействующему с пятью представителями крупнейших политических партий. Для этого срок полномочий «технического президента» был продлен ещё на 25 месяцев.

10 февраля 2014 г. А. Хади подписал закон о будущем государственно-административном делении страны — её разделении на шесть отдельных провинций. Это свидетельствовало о тактическом поражении отстаивающих автономию Юга ЙСП и южнотийменских «харакат». Однако пока трудно судить о перспективах реализации этого пре-

¹² Подробнее о ходе работы КНД см. [41].

зидентского решения. Многовариантность развития ситуации в Йемене сохраняется.

Сохранение статус-кво — продолжение вооружённых конфликтов, разрастание на территории Йемена базы международного терроризма. Отход от решений КНД и бойкотирование южанами закона от 10 февраля придадут мощный импульс сепаратизму на территории всего Йемена.

Негативный сценарий — территориальный распад страны. В этом случае возможно воссоздание двух государств — Южного Йемена и Северного Йемена, а также выделение в самостоятельное шиитское государство приграничных северных районов, примыкающих к КСА. Подавляющее большинство официальных представителей южного Йемена выступают за его отделение. В перспективе саудовско-иранская борьба за влияние на южный Йемен вполне может завершиться его присоединением к КСА. Большинство южнотименцев исповедуют суннизм, их сближает с королевством и то, что многие жители Юга переправили свои семьи в КСА. Силу экономического притяжения Саудовской Аравии в этом отношении трудно переоценить. Для королевства же стратегически важным является возможный выход к Аравийскому морю, минуя иранскую угрозу в Ормузском проливе (основная часть саудовских внешнеторговых потоков проходит по морским путям). Как первый шаг к интеграции в состав КСА стратегически важной йеменской провинции Хадрамаут эксперты расценивают решение саудовских властей предоставить йеменцам, проживающим в Хадрамауте, права безвизового въезда в Саудовскую Аравию.

Эр-Рияд всячески пытается уменьшить влияние президента Хади в Южном Йемене, в частности путём продвижения к власти в этой части страны бывшего южнотименского президента С. аль-Бейда, который ранее ориентировался на Иран.

Воссоздание в той или иной форме шиитского государства придаст им-

пульс обострению суннитско-шиитских противоречий не только в Йемене, но и в КСА, в том числе в приграничных с Йеменом районах.

Децентрализация на основе федеративного государственного устройства. Сепаратистские тенденции набирают силу, но в качестве компромиссного варианта следует рассматривать и создание федеративного государства. Реализация подобного варианта возможна только в результате мирного или навязанного силой, а также с использованием внешней поддержки национального примирения. Аравийские монархии, очевидно, в конечном итоге согласятся с вариантом создания федерации южного и северного Йемена. О возможности такой развязки свидетельствует то, что часть фракций Южного движения выступает за автономию Юга, выдвигая при этом следующие условия [14]:

- Восстановление в должности всего военного и гражданского персонала, отстраненного в результате гражданской войны 1994 г.
- Возвращение конфискованного имущества и денежных средств.
- Возвращение земель, утраченных фермерами после объединения Йемена.
- Освобождение всех заключённых, арестованных во время последних восстаний.
- Принесение официальных извинений южанам.

Как уже отмечено, часть этих требований была выполнена.

Против сепаратизма на юге выступает исламистская партия «Ислах» и, как ни странно, «Йеменская социалистическая партия», которая в то же время поддерживает стремление южан к справедливому перераспределению экономических активов и нефтяных доходов. Исламисты всеми силами пытаются предотвратить перераспределение собственности, так как это уменьшит их финансовые возможности и существенно ослабит влияние «Ислах».

Сепаратистские тенденции могут быть направлены в федералистское русло по одному из двух основных на-

правлений — мультифедерализм и федерализм на основе разделения страны на две автономные части — Север и Юг. За первый вариант выступает ВНК и исламисты из «Ислах». Суть его состоит в наделении автономным статусом нескольких провинций или групп провинций. Такой статус может быть предоставлен шиитским районам, объединению восточных провинций Южного Йемена (Хадрамаут, Шавба, Махра). Часть южных йеменцев поддерживают этот вариант. Такой местный сепаратизм имеет глубокие исторические корни. Территория бывшей НДРЙ до британской оккупации контролировалась несколькими мини-государствами — султанатами. Великобритания сконцентрировала свое внимание на порту Адена, а внутренними районами управляла через соглашения с местными султанами. Восточные провинции и остров Сокотра обладали значительной неформальной автономией. Социалистические лидеры НДРЙ безуспешно пытались искоренить подобную традицию и племенное деление. В результате население Хадрамаута считает себя не северянами, ни южанами, а хадрамаутцами, жители Адена, натерпевшиеся, по их словам, и от Севера, и от Юга, настаивают на предоставлении городу автономного статуса [77, р. 12].

Реализация первой схемы, очевидно, в краткосрочном плане снизит накал сепаратизма, но в долгосрочной перспективе вполне может лишь углубить дезинтеграцию страны — не без помощи внешних сил.

Стремление части йеменцев к местной (локальной) автономии совсем не про-

тиворечит второму варианту формирования нового государственного устройства, поскольку может быть реализовано и в государстве, состоящем из северной и южной автономных частей, и в полностью отделившемся Южном Йемене. Выделение двух автономий в прежних границах НДРЙ и ЙАР, как представляется, послужит началом к полному разделению страны на две части. План южан состоит в начале трёхлетнего переходного периода, в ходе которого в рамках федеративного государства будет не только достигнуто национальное примирение, но и (что является принципиально важным для них) создана основа к окончательному отделению Южного Йемена. Учитывая современное состояние сепаратистского движения на Юге, поддержку большинством его населения идеи отделения, такой сценарий многим представляется вполне реальным и в существующих условиях менее конфликтным, чем продолжение дрейфа слабого и дезинтегрированного, но формально единого государства.

В прекращении дальнейшей дестабилизации Йеменской Республики и начале национального диалога, помимо государственного руководства страны, заинтересовано большинство стран ССАГПЗ, международные организации, в первую очередь Совет Безопасности ООН. Свой вклад в миротворческий процесс может внести Иран, прекратив поддержку северных и южных сепаратистов в Йемене, хотя в ближайшем будущем это маловероятно, учитывая ирано-саудовское противостояние.

ПАЛЕСТИНО-ИЗРАИЛЬСКИЙ ТРЕК

Как и ожидалось, исходя из сложившейся в регионе военно-политической и стратегической обстановки, Израиль будет стремиться к сохранению существу-

ющего положения и будет использовать временной фактор с целью создания на территориях, контролируемых ПНА, необратимых реалий, исключаящих соз-

дание палестинского государства. Активно Израиль заинтересован также в сохранении политического и территориального раскола палестинцев, как и состояния разобщенности и гражданского противостояния в соседних арабских странах. И Сирия, и «Хизбалла», т.е. основные противники Израиля на севере страны, так глубоко увязли в боях с многочисленными своими врагами, что вряд ли рискнут в нынешней ситуации открыть еще один фронт. «Хизбалла» сейчас сосредоточила основные силы на участке дороги эль-Ксейр-аль-Каа-Джусия, соединяющей сирийскую провинцию Хомс с местами базирования военных формирований шиитов в Ливане. Потеря этого стратегического района лишает «Хизбаллу» главного источника поставок оружия и боеприпасов, которые идут через сирийский порт Тартус. Шейх Х. Насралла подчёркивает, что основную опасность для «Хизбаллы» представляет именно реальность падения режима Х. Асада [6]. Точно так же, как Израиль сейчас не заинтересован в ослаблении конфликта в Сирии, «Хизбалла» не заинтересована в конфронтации с Израилем, осознавая, что её силы не позволяют вести военные действия одновременно на нескольких направлениях.

Война в Сирии даёт Израилю дополнительные преимущества для закрепления своего присутствия на Голанских высотах. Ослабленная войной Сирия фактически потеряла свой политический вес в регионе и вряд ли сможет восстановить утраченные позиции в ближайшей перспективе. Если развитие событий пойдёт по такому сценарию, то Израиль, безусловно, будет наращивать темпы строительства объектов инфраструктуры и жилья для поселенцев, не встречая серьёзного международного противодействия. При таком раскладе вопрос о возвращении оккупированной части Голан Сирии окончательно утратит свою актуальность.

Кроме того, Израиль получает определённую выгоду от существования враждебного «Хамастана» в Газе, который реально не представляет серьёзной

угрозы для безопасности Израиля, однако, выступая в качестве политического оппонента палестинским властям в Рамалле, создает ситуацию, позволяющую израильским властям проводить курс, исключающий возможность решения ближневосточного конфликта в рамках формулы «два государства для двух народов».

После бегства из Дамаска в Катар политическое руководство ХАМАС потеряло поддержку Сирии и Ирана. Понятно, что отказ зарубежного руководства ХАМАС от поддержки режима Б. Асада был мотивирован элементарным стремлением к самосохранению. Х. Машаль и его окружение хорошо понимают, что сейчас в регионе разворачивается интернациональная кампания по сдерживанию проиранского влияния. Алавитский клан Асада — первая жертва этой кампании. Не дожидаясь развязки военного противостояния между оппозицией и правительственными войсками, лидеры ХАМАС в изгнании предусмотрительно покинули Сирию и переместились в Катар, что обеспечивает им сейчас временное прикрытие. Судьба же базирующихся в Сирии таких старейших палестинских организаций, как Народный фронт освобождения Палестины — Главное командование и Демократический фронт освобождения Палестины, остаётся более чем неопределённой. Поддержка режима Б. Асада может обернуться для них катастрофическими последствиями. Чтобы отсеять палестинцев, верных сирийскому правительству, и палестинцев, готовых примкнуть к оппозиции, Саудовская Аравия предложила план «трансфера» лагерей палестинских беженцев из Сирии в Иорданию в обмен на погашение внешнего долга Хашимитского королевства. Этот план, конечно, не вызвал особого оптимизма у Абдаллы II и восточноиорданской элиты.

Встав на сторону суннитской сирийской оппозиции, хамасовцы тотчас же лишились ежемесячных финансовых выплат из Тегерана, а лидер «Хизбаллы» шейх Х. Насралла потребовал вы-

дворения из Ливана всех учреждений ХАМАСа. Серьёзный просчет был допущен радикальными исламистами из Газы в связи с чрезмерным ликованием по случаю кратковременного прихода к власти в Египте «Братьев-мусульман». Ещё недавно все улицы сектора украшали огромные плакаты с изображением Исмаила Хании и М. Мурси, обменивающихся улыбками и рукопожатиями на фоне египетских пирамид. После свержения М. Мурси египетские военные повели решительное наступление на базы исламистских вооружённых группировок на Синайском полуострове и резко ограничили движение палестинцев через КПП в Рафахе. Израильтяне признают, что египетская армия осуществляет блокаду сектора и уничтожение подземных тоннелей в районе Филадельфийского коридора намного эффективнее, чем ЦАХАЛ [16]. Арестованного президента М. Мурси и 14 других высших руководителей движения «Братьев-мусульман» египетский суд обвиняет в создании в Газе такой обстановки, которая угрожает безопасности Египта [34].

Как известно, до начала 2013 г. Египет выполнял посреднические функции на переговорах между делегациями ФАТХ и ХАМАС, в ходе которых обсуждались проблемы преодоления межпалестинских разногласий, организации и проведения всепалестинских выборов и создания широкого переходного правительства. Однако повторно победившее на выборах в Израиле в январе 2013 г. правительство Б. Нетаньяху поставило перед М. Аббасом ультиматум — либо урегулирование с Израилем, либо примирение с ХАМАС. Такой подход, кстати, полностью поддерживается нынешней американской администрацией. При такой позиции США и Израиля возобновление переговорного процесса между израильской и палестинской сторонами возможно только в случае отсутствия политического единства между ФАТХ и ХАМАС.

Явно не заинтересованное в эскалации напряжённости отношений с Израилем руководство ПНА предпочитает дистанцироваться от ХАМАСа и постепенно го-

товит почву для устранения радикалов от власти в Газе с целью последующего объединения сектора с Западным берегом под политическим контролем ФАТХа. В Газе все большую популярность набирает доморощенное движение «Тамаруд», возлагающее вину за критическое состояние местной экономики на ХАМАС и требующее его отставки. «Палестинская администрация ведёт двойную игру. Но что касается борьбы с ХАМАС, то здесь прослеживается координация действий, если не сказать — сотрудничество с Израилем», — заявляет эксперт по палестино-израильским отношениям Х. Фриш из центра БЕСА при Университете Бар-Илан в Тель-Авиве [69].

Отметим также, что Б. Нетаньяху как опытному дипломату удалось добиться того, что президент США Б. Обама и его администрация — по крайней мере, в ближайшее время — не будут оказывать давление на израильских политиков, требуя от них каких-либо уступок палестинцам. Многие эксперты и политические комментаторы в этой связи отмечали, что Б. Обама после заключения столь нежелательной для Израиля сделки по иранской ядерной программе будет более предрасположен к пониманию израильских доводов при обсуждении спорных вопросов с ПНА.

США сделали всё возможное, чтобы минимизировать деятельность «четвёрки» посредников ближневосточного урегулирования. Израиль вполне устраивает ситуация, когда от имени «квартета» к нему обращаются, по сути, с пустяковыми просьбами о введении послаблений на палестинских территориях, уклоняясь при этом от обсуждения ключевых вопросов ближневосточного урегулирования. Более того, на фоне предрасположенности американской администрации и вялой деятельности «квартета» правительство Б. Нетаньяху утвердило 84 новых проекта строительства в поселениях на Западном берегу, включая Восточный Иерусалим.

После почти 12-летнего перерыва США вновь объявили о своей готовности выступить в качестве посредника на

палестино-израильских переговорах о постоянном статусе. Предыдущая фаза переговоров между Израилем и ПНА в результате процесса, начатого в Осло, и именуемая часто «Кемп-Дэвид 2», была провалена из-за отказа правительства А. Шарона продолжить двусторонний диалог под эгидой США и из-за начала «интифады-2000».

Как известно, под давлением администрации Б. Обамы в июле 2013 г. возобновились тройственные палестино-израильские переговоры при посредничестве США. Госсекретарь Дж. Керри намеревался добиться прорыва уже к январю 2014 г. Предполагалось, что американские дипломаты представят на рубеже 2013/2014 гг. план, в котором будет предложено решение всех основных проблем на основании границ, существовавших до июня 1967 г., и обмена территориями. По сути, «план Керри» представляет собой квинтэссенцию предложенной израильской делегацией на переговорах в Табе в январе 2001 г. а карты обмена территориями и инициативы Саудовской Аравии по ближневосточному урегулированию от 2002 г.¹³ Согласно израильским источникам, страны ССАГПЗ уже одобрили американский план [4].

Не дожидаясь даты официальной передачи американского плана палестинской и израильской сторонам, Б. Нетаньяху выдвинул условие, которое не может быть изменено на любых будущих переговорах о постоянном статусе ближневосточного урегулирования. А это условие основано на принципах, которые содержались ещё в Декларации Бальфура¹⁴. В одном из последних вы-

ступлений на заседании кабинета министров Б. Нетаньяху официально заявил: «Принцип, который обеспечит мир, а также защитит государство Израиль в случае, если мирное соглашение будет нарушено, это – принцип безопасности. Договорённости в области безопасности принципиальны для нас, и мы настаиваем на них. Эти договорённости будут содержать многие составляющие, но во главу угла мы ставим то, что граница безопасности Израиля пройдет по реке Иордан» [68]. Этим заявлением Б. Нетаньяху подтвердил, что Иорданская долина де-факто является суверенной территорией Государства Израиль. В этом же выступлении израильский премьер ясно дал понять, что Иорданская долина имеет принципиальное стратегическое значение для Израиля в связи с тем, что Иран по-прежнему остается врагом № 1. «Есть и те, кто открыто и прямо требуют нашего уничтожения, и, прежде всего, это, конечно, Иран, – подчеркнул Б. Нетаньяху. – Иран стремится получить ядерное оружие. И он по-прежнему продвигается к этой цели. Мы же будем стремиться к тому, чтобы Иран никогда не смог достичь этой цели» [68].

Вся территория, прилегающая к иорданской границе (1 813,5 кв. км, или 32,9 % всей территории Западного берега), является сейчас «закрытой зоной». Создание по естественному руслу Иордана сплошной полосы, все подступы к которой охраняются военными, позволяет Израилю контролировать распределение водных ресурсов реки Иордан и полностью регулировать процесс передвижения палестинцев и товаров в Иор-

¹³ Карта окончательного урегулирования, переданная на переговорах в Табе израильским адвокатом Г. Шером палестинской стороне, предполагала передачу 5 % Западного берега под суверенитет Израиля в обмен на предоставление палестинцам равнозначного пустынного и безводного района в пустыне Негев. Арабская мирная инициатива, выдвинутая наследным принцем Саудовской Аравии Абдаллой и принятая ЛАГ в Бейруте 28 марта 2002 г., предполагала достижение всеобъемлющего мира с Израилем и окончание арабо-израильского конфликта при условии отступления Израиля с оккупированных им в 1967 г. территорий и признания им Государства Палестина на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа со столицей в Восточном Иерусалиме в обмен на признание Израйля и установление с ним нормальных отношений всеми странами ЛАГ.

¹⁴ Декларация Бальфура представляет собой письмо, направленное 2 ноября 1917 г. Артуром Джеймсом Бальфуром, тогдашним британским министром иностранных дел, на имя лорда Лайонела Уолтера Ротшильда, влиятельного и активного спонсора международного сионистского движения. В письме, среди прочего, говорилось следующее: «Правительство Его Величества относится благосклонно к восстановлению национального очага для еврейского народа в Палестине и приложит все усилия к облегчению достижения этой цели» (подлинный текст Декларации Бальфура; Краткая еврейская энциклопедия. Иерусалим. Т. 1. С. 286).

данию и обратно на территорию Западного берега. Перекрытие всех подступов к Иорданской долине обеспечивает также тотальный военный контроль почти над всей территорией Западного берега.

В Иорданской долине зарегистрировано 21 поселение и 9 поселенческих аванпостов; в северо-западной части Мёртвого моря — 6 поселений. Численность израильских поселенцев не превышает 5,5 тыс. человек. Режим, введённый Израилем в Иорданской долине, направлен на полное вытеснение немногочисленных палестинских арабов из этого района, а поселенцы здесь выполняют второстепенную роль, способствуя усилению израильского военного присутствия.

После ракетного обстрела Ираком в 1991 г. территории Израиля стратегическое значение долины существенно возросло. Накануне вторжения США и их союзников в Ирак в марте 2003 г., когда военные аналитики вновь заговорили о возможности нанесения ракетных ударов по Израилю с востока, командование израильских вооруженных сил пересмотрело доктрину обеспечения обороноспособности и безопасности страны и осуществило передислокацию большей части военной техники, прежде всего средств ПВО, именно в Иорданскую долину, превратив её фактически в восточный фронт. Сейчас в долине находятся 40 из 48 израильских военных баз, дислоцированных на Западном берегу.

Буферная зона между Западным берегом и мусульманским миром на востоке,

по мнению израильских военных экспертов, позволила бы также исключить прямое сообщение между гипотетическим палестинским государством и ближайшими арабскими странами. В настоящее время, как полагают израильские политики и военные, наиболее реальную угрозу представляют ядерная программа Ирана и возможное нападение с востока с применением баллистических ракет дальнего радиуса действия, оснащенных химическими, биологическими или даже ядерными боеголовками¹⁵. В этой связи малозаселенная Иорданская долина рассматривается как идеальный плацдарм для размещения сверхсовременных систем ПВО и ракетных комплексов наступательного назначения.

Практика предыдущих переговоров между израильской и палестинской сторонами показала, что Израиль ни при каких обстоятельствах и условиях не намерен выносить на обсуждение вопрос об Иорданской долине, считая, что её статус напрямую связан с насущными вопросами национальной безопасности и на этом основании не подлежит пересмотру — даже если переговорный процесс подойдёт к своей финальной стадии. Отторжение от Западного берега трети его территории и превращение района в островок, окружённый со всех сторон Израилем и не имеющий границы, сопряжённой с арабским миром, исключает возможность создания полноценного палестинского государства.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ИЗМЕНЕНИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ОБСТАНОВКИ В НАСТОЯЩЕМ И БЛИЖАЙШЕЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

На начало 2014 г. в странах, затронутых «арабской весной», по-прежнему наблюдалась высокая степень неопре-

делённости. Баланс сил между различными политическими группами и военными формированиями, соотношение

¹⁵ Израильское политическое руководство считает, что подписанное 24 ноября 2013 г. между Ираном и шестью мировыми державами Временное соглашение, в соответствии с которым Исламская республика обязалась ограничить свою ядерную программу в обмен на снятие ряда ограничительных санкций, является не «историческим прорывом», а «исторической ошибкой». Израильские эксперты убеждены, что Иран может изготовить атомную бомбу в течение 36 дней (Маарив, 28.11.2013.).

демократического и авторитарного векторов в общественном развитии, влияние внешних факторов на ситуацию в Арабском мире — всё это изменчиво и подчас трудно предсказуемо.

Результаты «революционных» преобразований и трансформации международных отношений в регионе носят промежуточный характер и не могут служить гарантией от изменения текущих тенденций в обратном направлении.

В 2013 г. одним из основных результатов продолжающейся «арабской революции» стала своего рода «реконкиста» националистических, светских (в ближневосточном понимании) сил, представляющих «дореволюционные» режимы, и отступление исламистов, главными представителями которых являются движение «Братьев-мусульман» и его салафитские ответвления. Такое смещение политического (а в Сирии — и военного) маятника в противоположную сторону не стоит расценивать как бесповоротное. Возвращение военных к власти в Египте и ослабление исламистов в Сирии не означают окончание противостояния. Саудовская Аравия пока имеет достаточные финансовые и политические возможности влияния в исламском мире для того, чтобы ощутимо воздействовать на новое египетское руководство и поддерживать воюющих в Сирии оппозиционеров.

Однако во внешнеполитической сфере положение саудовского королевства и ССАГПЗ в целом представляется не вполне благоприятным. Усилия Саудовской Аравии по изменению регионального политического ландшафта к концу 2013 г. не увенчались успехом. Смещение близкого к КСА государственного руководства в Египте и дипломатическая победа противников устранения режима Б. Асада в Сирии наряду с усилением иранского влияния в Ираке и некоторым сближением Ирана и стран Запада по проблеме реализации иранской ядерной программы ослабили позиции королевства как претендента на региональное лидерство.

Уязвимость своего внешнеполитического положения саудовцы стремятся компенсировать укреплением единства в ССАГПЗ и упрочением своей ведущей роли в этом региональном объединении.

Меняется и тактика саудовских властей в отношении зарубежных исламистских формирований на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Уже в настоящее время происходит сдвиг в финансово-экономической и военной поддержке в сторону политических групп, чья деятельность не носит явно экстремистский характер. Поддержка радикально настроенных джихадистов способна обернуться подъёмом волны терроризма в самом королевстве.

Несмотря на частичную внутривнутриполитическую модернизацию политических систем в странах ССАГПЗ за годы существования этой организации, перемены происходят медленно и с различной динамикой. В ближайшем будущем и в среднесрочной перспективе не стоит ожидать существенных сдвигов в консервативной политической системе большинства стран Совета сотрудничества.

Упрочение позиций арабских националистов в Египте и Сирии не равнозначно началу демократизации этих стран. При всех различиях в методах политической борьбы и идеологии между исламистами и националистами и те и другие исповедуют ислам. Кроме того, так называемому «светскому» руководству Египта и Сирии приходится продолжать борьбу с требующими реванша исламистами, а в таких условиях маловероятны и демократизация, и начало системных экономических реформ, без которых распутать клубок внутривнутриполитических и международных противоречий в этой части мира невозможно. Решить две эти задачи вряд ли по плечу претендующим на власть исламистским партиям и движениям. Эту реальность имеет смысл учитывать в российской ближневосточной политике.

В других арабских странах (Ливия, Тунис, Ирак, Йемен, Ливан) политическая, межконфессиональная и меж-

клановая борьба продолжается с переменным успехом тех или иных сил и, к сожалению, со всё новыми человеческими жертвами и разрушениями. Среди стран, где ситуация относительно стабильна, следует выделить Алжир. Хотя многие считают его чуть ли не первой родиной «арабской весны», здесь арабские националисты в лице военных сумели подавить всплеск исламизма в начале 1990-х гг. В Алжире в основном подавлен радикальный исламизм (хотя вооружённые группы продолжают действовать), восстанавливается гражданское согласие, продолжаются социально-политические и экономические преобразования. Напряжённость в обществе существенно меньше, чем в расположенных восточнее североафриканских странах. Среди основных проблем следует выделить последствия многолетней болезненной структурной перестройки экономики — высокий уровень безработицы и бедности, что питает протестные настроения.

Несмотря на усилия центральных властей, сохраняется опасность территориальной дезинтеграции ряда арабских стран. Международные границы, в значительной мере определённые столетие назад европейскими метрополиями, вполне могут поменять свою конфигурацию после того, как де-факто или де-юре появятся новые государственные или автономные образования. По мнению многих экспертов, центробежные тенденции могут привести (а в какой-то степени уже привели) к автономизации, а та в свою очередь — к территориальному расколу по следующим направлениям:

- Ливия — выделение на западе страны Триполитании, ориентированной на арабский Магриб, на востоке — Киренаики, тяготеющей к Машрику и контролирующей около 80 % запасов ливийской нефти, на юго-западе — сахельской провинции Феззан.
- Сирия — разделение на контролируемую алавитским меньшинством прибрежную часть страны, курдское образование на северо-западе, раз-

дируемую конфликтами остальную — суннитскую — часть Сирии.

- Ирак — образование прилегающего к сирийской территории Суннистана, способного объединиться с суннитской частью Сирии, Шиитстана на юге и уже обладающего значительной автономией Курдистана на севере.
 - Саудовская Аравия — «балканизация» в форме раздела на северную, западную (с главными мусульманскими святынями) и южную части страны, восточное шиитское государство (нынешняя Восточная провинция) и остальную территорию под властью ваххабитских кланов.
 - Йемен — восстановление деления этой территории на Северный и Южный Йемен, причём южная часть будет тяготеть к объединению с саудовскими суннитами.
 - В ходе дезинтеграционных процессов внутри перечисленных выше территориальных образований могут выделиться более мелкие анклавы в виде отдельных городов: многоконфессиональный Багдад, третий по значению ливийский город Мисрата, конфессионально однородный район Джебель Ад-Друз на юго-западе Сирии.
- Продолжение внутривосточных и международных конфликтов на Ближнем Востоке повысит возможность подобной дезинтеграции, которая, в свою очередь, приведёт к обострению проблемы международной безопасности, формированию новых альянсов, изменению траектории мировых торговых и энергетических потоков.

В целом стабилизация и политическая устойчивость в «постреволюционных» странах в кратко- и среднесрочной перспективе представляются проблематичными. Внутренние условия для такого перехода всё ещё не созданы. Во-первых, ниши для сторонников прежних авторитарных режимов, которые на основе возвращения к сильной централизованной власти могли бы воссоздать единое, относительно стабильное государство, или уже заняты, или существенно сужены. Лагерь же проти-

вооборствующих сил постоянно пополняется. Во-вторых, в арабских обществах традиционно слаба или отсутствует «культура компромисса». Вовлеченные в конфликты силы действуют в своих собственных интересах и не готовы на реальные уступки. В таких условиях весьма

сложно организовать и обеспечить постоянное функционирование механизма национального диалога. Внешние игроки зачастую лишь усиливают подобную рассогласованность политических, профессиональных, экономических и иных целей

БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЕ ПОЗИЦИИ РОССИИ

В настоящее время налицо попытки если не полностью вытеснить, то, во всяком случае, существенно ослабить позиции России в регионе. Количество стран, которые традиционно относились к числу российских партнеров и союзников, существенно сократилось. Для восстановления и укрепления этого влияния России необходимо сохранять многовекторный, сбалансированный подход и энергично действовать сразу по нескольким направлениям:

- Вносить свой вклад в укрепление системы региональной безопасности, выступать посредником в разрешении региональных конфликтов.
- Осуществить прорыв в хозяйственных связях с регионом в первую очередь на основе инвестиционного и технологического сотрудничества.
- Развивать гуманитарные контакты со странами региона, в том числе по линии профессиональных связей.
- Способствовать формированию здесь лоббистских групп, поддерживающих сближение с Россией;
- Вести поиск стратегических партнеров в третьих странах, заинтересованных в совместных действиях на Ближнем и Среднем Востоке; среди них перспективными представляются государства БРИКС, союзники России на постсоветском пространстве, некоторые латиноамериканские страны, отдельные страны ЕС.

В 2013 г. российская дипломатия внесла весомый вклад в работу по ослаблению напряженности на сирийском и иранском направлениях. Для достижения договоренностей о проведении конференции «Женева-2» и облегчения режима санкций в отношении Ирана в обмен на соответствующие шаги этой страны были использованы важные принципы урегулирования международных и национальных конфликтов — поэтапность и взаимность в решении проблем, вовлечение в переговорный процесс как можно большего числа стран и сторон, заинтересованных в его позитивных результатах. Как представляется, следование этим принципам будет повышать эффективность российской политики по поддержанию сложившейся международно-правовой системы.

Приходится считаться с тем, что сейчас фигура Б. Асада и его окружения является основным камнем преткновения на многосторонних переговорах по урегулированию сирийского конфликта. Программные документы сирийской оппозиции и любое соглашение оппозиционных сил с «друзьями Сирии» предусматривают первым пунктом свержение ныне правящего режима. Объективно Б. Асад обречен на пожизненную политическую обструкцию и изоляцию.

Используя дипломатические рычаги и имеющийся багаж межгосударственных связей, Россия может сыграть решающую роль в умиротворении Ирана, мягкой трансформации режима Б. Асада в Сирии. Это целесообразно сочетать с целенаправленной политикой формирования новой системы взаимоотношений с другими ключевыми странами Ближнего и Среднего Востока – Турцией, Ливией, Египтом, Ираком, а также государствами ССАГПЗ, где российское влияние в настоящее время невелико.

Столкновения суннитских и шиитских вооруженных формирований всё чаще происходят на ливанской территории. Велика вероятность вовлечения страны в сирийский конфликт. Положение усугубляется традиционными противоречиями между различными местными конфессиями и политическими движениями. Россия, имеющая прочные связи со всеми без исключения ливанскими политическими силами, включая «Хизбаллу», способна содействовать в условиях нарастающего политического кризиса возобновлению широкого диалога с целью достижения согласия и взаимопонимания по всем актуальным для Ливана вопросам, а также продвижению Декларации Баабды, в которой зафиксирован принцип дистанцирования страны от внутренних кризисов в арабских странах. В целях укрепления российско-ливанских отношений есть смысл увеличить объёмы гуманитарной помощи ливанскому населению, прежде всего беженцам.

По понятным причинам новое ливийское политическое руководство будет настороженно относиться к любым действиям России по восстановлению того уровня взаимоотношений и сотрудничества, который был достигнут к моменту свержения режима М. Каддафи. США и страны Евросоюза, активно задействованные в Ливии, также не упустят своего шанса, чтобы ослабить позиции России, прежде всего в тех областях, которые для них имеют принципиальное значение. Скорее всего, Россия понесёт убытки в нефте- и газо-

добывающей сфере; потери неизбежны также в связи с сокращением участия российских разработчиков на ливийском рынке вооружений (уже сейчас, по некоторым оценкам, упущенная выгода составляет почти 4 млрд долл.). Но даже на этом рынке постреволюционная Ливия не может однобоко ориентироваться на Запад, и у России есть, судя по результатам переговоров министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова со своим ливийским коллегой М. Абдельазизом в сентябре 2013 г., определённые перспективы развития, в том числе и военно-технического сотрудничества.

Среди представителей новой власти немало технократов и прагматиков, которые убеждены, что любые формы сотрудничества лучше, чем постоянное муссирование обвинений России в поддержке М. Каддафи. Шансы сохранить все прежние контракты – невелики. Однако контакты с людьми из нового правительства будут иметь особое значение для налаживания позитивной работы по уже подписанным проектам. Сейчас Ливия остро нуждается в восстановлении разрушенной инфраструктуры. Учитывая, что процесс размораживания зарубежных активов свергнутого режима идёт медленно и средства поступают в Ливию не в полном объёме, новые власти, несомненно, заинтересованы и в российских инвестициях, и в возможности списания внешней задолженности Джамахирии. Меньше всего, как представляется, руководство Ливии сейчас заинтересовано в разрушении уже существующих экономических связей, от которых была реальная прибыльная отдача – даже если эти связи достались в наследство от прежнего режима. В вопросах двустороннего сотрудничества между нашими странами обоюдный интерес будут, несомненно, представлять, помимо нефтегазовой сферы и поставок вооружений, такие отрасли, как электроэнергетика, транспорт, строительство жилых и хозяйственных объектов, инженерная гидрология, торговля, здравоохранение.

В Египте генерал ас-Сиси, похоже, устраивает не только большинство египтян, у которых он ассоциируется со

вторым Г. Насером, но и основных зарубежных игроков на ближневосточном пространстве. СМИ Египта пытаются преподнести общественности генерала ас-Сиси в качестве чуть ли не единственно возможного национального спасителя. Однако известно, что своему стремительному росту он обязан в основном дружбе с сыном бывшего президента и преданной службе Х. Мубараку. В связи с тем, что ас-Сиси, скорее всего, одержит более чем убедительную победу над своими основными конкурентами, Египет ожидает банальная реставрация государственного управления, существовавшего при Х. Мубараке.

Россия также связывает стабилизацию отношений с Египтом с приходом к власти сил, которые поддерживают нынешнее временное правительство. Свидетельство тому – визит в Египет в необычном формате руководителей МИД и Минобороны России 14 ноября 2013 г. Российские дипломаты, бизнесмены и другие отечественные партнёры египтян приспособились к взаимодействию именно с той системой, которая сложилась в стране при авторитарном «триумvirате» Насер – Садат – Мубарак. Именно с этой системой ассоциируется устойчивость Египта как государства с динамично развивающейся экономикой, эффективной политической властью и конструктивной внешней политикой. Понятно, что Египет будет по-прежнему умело лавировать между интересами России, США, Евросоюза, Саудовской Аравии, Израиля и Турции, отдавая предпочтение, прежде всего, своей самостоятельности, экономической и политической выгоде. Свидетельство тому – визит в Египет руководителей МИД и Минобороны России 14 ноября 2013 г. и продолжение переговоров в таком формате уже в Москве 13 февраля 2014 г. Как показывает история развития российско-египетских двусторонних отношений, такая позиция египетской стороны с наибольшей отдачей работала на благо совместного сотрудничества по всем направлениям.

На фоне событий «арабской весны», приведших к устранению от власти в Египте одного из основных региональных союзников Иордании президента Х. Мубарака (среди арабских стран только Египет и Иордания имеют дипотношения с Израилем) и перерастанию конфликта в Сирии в полномасштабную гражданскую войну (в 2004 г. Абдалла II подписал соглашение об урегулировании пограничных споров с сирийским политическим руководством), политика королевства будет идти по пути отказа от продолжения либерально-демократических реформ. Очевидно, что в конкретной ситуации сегодняшнего дня, когда вызванная «арабской весной» волна протестных выступлений докатилась непосредственно до границ Иордании, Абдалла II не допустит никаких демократических послаблений в законодательстве, которые устраивали бы исламистов. Иордания не заинтересована в продолжающемся насилии в Сирии, поддерживает проведение конференции «Женева-2» и считает, что сирийская оппозиция и противостоящие ей проправительственные силы должны решать все спорные вопросы мирным путем. Совпадение позиций России и Иордании по многим другим актуальным проблемам Ближнего Востока и Северной Африки объективно содействует дальнейшему продвижению и интенсификации российско-иорданских отношений в ближайшей и среднесрочной перспективе.

США сделали всё возможное, чтобы минимизировать деятельность «четвёрки» посредников ближневосточного урегулирования. Израиль вполне устраивает ситуация, когда от имени «квартета» к нему обращаются, по сути, с пустяковыми просьбами о введении послаблений на палестинских территориях, уклоняясь при этом от обсуждения ключевых вопросов ближневосточного урегулирования. Надо признать, что институт четырёхстороннего посредничества и разработанная им «Дорожная карта» исчерпали себя. Прежние договорённости, достигнутые между изра-

ильской и палестинской сторонами при международном содействии, не соответствуют сложившимся реалиям и нуждаются в корректировке. Среди вопросов, входящих в комплекс базовых составляющих ближневосточного урегулирования, на переговорах палестинцев и израильтян с участием американских дипломатов будут обсуждаться, как и прежде, только вопросы обоюдной безопасности, границ и поселений. Другие вопросы постоянного статуса (беженцы и Иерусалим) никогда не поднимались и вряд ли будут предметом переговоров в ближайшей перспективе. Современные реалии, сформировавшиеся за сорок с лишним лет израильской оккупации, таковы, что на основе известных резолюций СБ ООН обозначенные вопросы решить невозможно. Это доказывается простыми математическими расчётами. Вывод 7,5 тыс. израильских поселенцев и военных из Газы, а также демонтаж в секторе объектов инфраструктуры, обошёлся Израилю в 30 млрд шекелей (7 млрд долл.). Проведение такой же операции на Западном берегу будет стоить как минимум 500 млрд долл. — это в два с лишним раза превышает объём финансовой помощи, которые США оказали Израилю за всю историю его существования. Речь идёт не просто о ликвидации скопления караванных населённых пунктов, а об эвакуации целых городов с многотысячным населением и развитой инфраструктурой (Ариэль, Маале-Адумим, Модиин, Гуш-Эцион).

Как бы ни было тяжело отступать от прежних политических установок, России целесообразно внимательно присмотреться к последней американской инициативе, основанной на идее размена территориями. Практика ведения сепаратных переговоров под эгидой США в 1995–2001 гг., как известно, результатов не имела. Однако сейчас вряд ли можно предложить какую-либо разумную альтернативу американскому плану. Думается, опыт работы «группы 5+1» по иранской ядерной программе был бы уместен и полезен для перезапуска мирного диалога и достижения

долгожданного прорыва на палестино-израильском треке. Переформатирование «квартета» посредством расширения его состава за счёт подключения к переговорному процессу таких стран, как Саудовская Аравия, Катар, Египет, Иордания и, возможно, Китай, вполне могло бы усилить давление на обе стороны конфликта и склонить их к принятию компромиссного решения, основанного на взаимных уступках по вопросу о статусе и границах палестинских территорий.

Для России политическая ситуация в районе Персидского залива имеет принципиальное значение вследствие размеров его ресурсного потенциала, значительной роли в мировой энергетике, географической близости, влияния аравийских стран на мусульманское население нашей страны. Относительная политическая стабильность и экономический вес аравийских монархий служат основой нового — аравийского — вектора ближневосточной политики России. В регионе по-прежнему велико влияние монархий зоны Персидского залива, в первую очередь КСА.

Создаваемый на Аравийском полуострове военный потенциал явно выходит за рамки оборонительных потребностей. В качестве наиболее вероятной цели таких приготовлений эксперты называют Иран. Но в регионе есть и другие потенциальные очаги напряжённости. Возможно, например, вмешательство в дела других арабских государств.

Россия, очевидно, будет продвигать свои планы укрепления региональной безопасности. Аравийские страны со вниманием отнеслись к выдвинутой в 2007 г. российской концепции обеспечения безопасности в зоне Персидского залива на коллективной основе с участием всех региональных и других заинтересованных сторон. Заключение соответствующего международного договора с участием арабских стран Персидского залива и Ирана не только уменьшит остроту ирано-арабских противоречий, но и существенно повысит авторитет России по обе стороны залива.

Формирование системы многосторонних российско-аравийских отношений помимо достижения экономических целей будет направлено на предотвращение образования военно-политических союзов, которые могут изменить баланс сил в регионе и создать угрозу национальным интересам России, ограничить свободу её маневра, нарушить её коммуникации, воспрепятствовав выходу в Мировой океан и в Средиземное море. Со своей стороны аравийские государства заинтересованы в России как в стране, которая в какой-то степени представляет противовес США и ЕС.

Для того, чтобы свести к минимуму вызов международного терроризма, исходящий, в том числе, и с Ближнего Востока, предотвратить распространение радикального ислама в регионах РФ с преимущественно исламским населением, целесообразно координировать антитеррористическую деятельность как в целом с Советом сотрудничества, так и с отдельными странами, входящими в эту организацию, в первую очередь с КСА. Их участие в совместной структуре, занимающейся пресечением деятельности международной сети террористов, позволяет говорить о фундаментальных сдвигах в политике обоих партнёров по отношению друг к другу.

При всей важности Аравийского полуострова для мировой экономики и политики трудно рассчитывать на стремительное установление отношений стратегического сотрудничества между Россией и ССАГПЗ. Этому будут препятствовать и ослабление российского присутствия в регионе, и замкнутость аравийских элит и обществ на Запад, и негативная историческая память о советском периоде в международных отношениях в сознании аравийских правящих кругов.

Более благоприятные для усиления российского влияния условия имеются в Йемене, с которым нашу страну связывает длительный период тесных отношений в советскую эпоху. Россия поддерживает стремление йеменского

руководства к сохранению территориальной целостности страны. Во время переговоров в Москве в начале апреля 2013 г. между президентом России В.В. Путиным и йеменским президентом А. Хади российская сторона дала положительную оценку началу национального диалога в Йемене, заявила о своей готовности поддержать народ этого государства в трудный для него переходный период.

Среди крупных арабских стран — перспективных партнёров России следует выделить Ирак. В Ираке у России появляется возможность сыграть роль «третьей стороны». Во-первых, она не участвует в нынешней эскалации напряжённости и в этой связи является приемлемым партнёром для всех внутрииракских сил. Во-вторых, большинство крупных объектов, прежде всего в энергетической отрасли, построено в той или иной степени с участием России. В-третьих, большинство вооружения, которое перешло в пользование враждующим партиям (клановым, конфессиональным), также является российским. Соответственно, у внутрииракских сил есть фактическая заинтересованность в поиске диалога с Россией. В-четвёртых, у России есть доверительные отношения с определёнными силами, имеющими возможность влиять на конфликт (прежде всего, Сирией).

Ирак имеет серьёзное значение как перспективное поле деятельности для российского нефтяного бизнеса. Страна постепенно становится ведущим поставщиком на быстро растущие азиатские рынки и к 2030 г. способна занять второе место в рейтинге мировых экспортеров нефти, опередив Россию. Однако деградация ситуации в области безопасности и давление США стали основными причинами замораживания двустороннего экономического сотрудничества и снижения деловой активности россиян в Ираке. Здесь были затронуты наши реальные хозяйственные интересы. Приоритетной задачей является возобновление реализации соглашения консорциума российских ком-

паний с министерством нефти Ирака о разработке второй очереди крупнейшего нефтяного месторождения Западная Курна. Велик потенциал участия российских компаний в восстановлении энергетики страны, хотя пока Россия здесь используется больше в качестве безальтернативного источника кадров, работающих в чрезвычайно сложных условиях гражданской войны. Имеет смысл использовать курдский фактор, учитывая относительно благоприятный инвестиционный климат в иракском Курдистане.

Российским компаниям постепенно удаётся вернуть утраченные в Ираке позиции. Они начали реализацию крупных нефтяных проектов. Компания «ЛУКОЙЛ Оверсиз» занимается эксплуатацией месторождения Западная Курна-2, которое является вторым по величине в мире неразработанным месторождением с извлекаемыми запасами нефти около 14 млрд баррелей, участвует в разработке ряда менее крупных месторождений. В освоении иракских недр российским нефтяникам приходится сталкиваться с жёсткой конкуренцией азиатских и американских компаний. Для успешной деятельности на иракском рынке необходимо включать в контракты предоставление столь необходимых Ираку новейших технологий, опыта, высококлассных специалистов. Обладая таким ресурсом, российские фирмы вполне могут успешно конкурировать в нефтегазовой отрасли.

После изменения системы политической и государственной власти в ближневосточном регионе для России могут возникнуть новые возможности расширения многостороннего сотрудничества с арабскими государствами. Представляются необходимыми и вполне реальными подготовка и осуществление в этом регионе при содействии мирового сообщества, включая РФ, экономических, образовательных, социальных и иных проектов как эффективного противовеса планам военно-силового навязывания демократии. Это поддержит стабильность правящих режимов и соз-

даст условия для постепенной модернизации сложившихся на протяжении длительного времени систем управления с учётом местных ресурсов, традиций, племенных, клановых и этно-конфессиональных отношений.

Одним из главных направлений российской политики в отношении стран, где в последнее время произошла смена государственного и политического руководства, должен стать, на наш взгляд, твёрдый курс на восстановление заключённых ранее контрактов с нашей страной, прежде всего в инвестиционной сфере и в поставках сложного промышленного оборудования и военной техники российского производства. Без возобновления и расширения нашего экономического присутствия в этих странах значительная часть Арабского Востока окажется вне сферы заметного российского влияния.

Длительная экономическая ориентация стран региона на Запад, Юго-Восточную и Восточную Азию, насыщенность местного рынка потребительских и инвестиционных товаров вносят свои коррективы в стратегию российских предпринимателей и органов государственного экономического управления. В этой связи правомерно высказать гипотезу о том, что «стартовой площадкой» обновления всего комплекса делового партнерства станет не торговый обмен, на приоритете которого настаивает ряд известных российских арабистов, а производственное кооперирование на основе взаимного перетока прямых инвестиций, технологий, квалифицированной рабочей силы. Проникновение на Ближний Восток через «инвестиционные ворота» представляется более реалистичным.

Развитие гуманитарного сотрудничества с Арабским миром потребует соответствующего финансирования с российской стороны. Как показывает опыт развитых стран, упрочению позиций внерегиональной державы в этой части мира очень способствует так называемая «помощь развитию». Здесь необходимо оптимизировать приток россий-

ских финансовых ресурсов: выделять деньги на хорошо выверенные проекты, имеющие социальную отдачу, — в первую очередь в водоснабжение, добычу

энергоносителей, строительство, на транспорт и масштабные образовательные программы.

ЛИТЕРАТУРА \ REFERENCES

1. 100 миллиардов долларов, если ас-Сиси изберут президентом // Электронный ресурс израильского информационно-аналитического сайта «PostSkriptum», 11.11.2013. URL: <http://postskriptum.me/2013/11/11/100mlrd/2/>
2. *Абилов К.А.* Позиция Иордании по вопросу правового статуса палестинцев // Востоковедный сборник. Вып. 8. М.: Институт Ближнего Востока, 2007.
3. *Аганин А.Р., Соловьева З.А.* Современная Иордания. Справочник. М., 2003. С. 30; The Report: Emerging Jordan 2007. London: Oxford Business Group, Apr. 2007.
4. Арабы согласились на земельные свопы с Израилем // Электронный ресурс израильского информационного агентства MIG-news, 30.04.2013. URL: http://www.mignews.com/news/politic/world/300413_112738_28943.html
5. *Бен-Элиэзер:* Ас-Сиси не даст Египту превратиться в Иран // Электронный ресурс израильского информационного агентства «MIG-news», 20.08.2013. URL: http://www.mignews.com/news/politic/world/190813_175826_77667.html
6. Беседа заместителя министра иностранных дел России М.Л. Богданова с шейхом Х. Насраллой // Аль-Хаят. 2013. 21 июня.
7. В Ливии 700 тысяч боевиков и 40 миллионов единиц оружия // Электронный ресурс израильского информационного агентства «MIG-news», 17.10.2013. URL: http://www.mignews.com/news/society/world/161013_175911_03676.html
8. Военно-политическая обстановка в Ираке (сентябрь 2013 года) // Электронный ресурс Института Ближнего Востока. URL: <http://www.iimes.ru/?p=18388>
9. Выступление Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на заседании Форума гражданских обществ, Рим, 25 ноября 2013 года // Электронный ресурс МИД России. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/5244F73025AB88D944257C2E0065D070
10. *Долгов Б.В.* Ливанский кризис и арабский мир // Электронный ресурс Интернет-портала Фонда стратегической культуры. 2008. 30 июня. URL: <http://www.fondsk.ru/news/2008/06/30/8867-8867.html>.
11. *Донцов В.Е.* Религиозно-политические движения шиитов в Саудовской Аравии // Ближний Восток и современность. Вып. 21. М., 2004.
12. Заключительное коммюнике «Группы действий» по Сирии, Женева, 30 июня 2012 года // Электронный ресурс МИД России. URL: <http://www.mid.ru/bdomp/ns-rasia.nsf/47967e11ee7ef58944257bf6003d1a22/c32577ca0017458644257a2e0029264e!OpenDocument>
13. *Игнатенко А.* Арабская весна завершается заморозками // НГ-Религии. 2011. 5 октября.
14. *Игошина Ж.* Йемен: время для национального диалога // Электронный ресурс журнала «Новое восточное обозрение». URL: <http://www.ru.journal-neo.com/node/119603>
15. Интервью с директором Института востоковедения РАН В.В. Наумкиным // Электронный ресурс IMESClub [International Middle Eastern Studies Club]. URL: www.imesclub.org/documents/INTERVIEWru.pdf
16. Интифада на пороге // Электронный ресурс израильского информационного агентства «MIG-news», 29.09.2013. URL: http://www.mignews.com/news/analitic/world/290913_112143_88705.html
17. Иордания // Политические системы современных государств. Энциклопедический справочник. М.: МГИМО (У) МИД России, 2012. Т. 2. С. 131, 136.

18. Иордания стоит на пороге реформы // Электронный ресурс израильского информационного агентства «MIG-news», MIG-news, 20.08.2012. URL: http://www.mignews.com/news/politic/world/190812_150313_71374.html
19. ИТАР-ТАСС. 2013. 22 октября.
20. *Касаев Э.* Ближневосточные интересы инвесторов // Независимая газета. 2013. 10 декабря. URL: http://www.ng.ru/ng_energiya/2013-12-10/15_baghdad.html
21. Комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи с обсуждением в Совете Безопасности ООН ситуации в Ливии, 04.02.2013.
22. *Косач Г.Г.* Саудовская Аравия: политические процессы 1990-х – 2000-х гг. М., 2013.
23. *Косач Г.Г., Мелкумян Е.С.* Совет сотрудничества арабских государств Залива: принципы и практика сотрудничества в сфере региональной безопасности // Ближний Восток и современность. Вып. 47. М., 2013.
24. КСА готовит армию в 250 тысяч человек для войны в Сирии и Йемене // Электронный ресурс сайта «PostSkriptum», 17.11.2013. URL: <http://postskriptum.me/2013/11/17/jeishalmuhammed/>
25. *Кузнецов А.А.* Шиитское возрождение захлебывается арабской весной. // НГ – Религии. 2012. 16 мая.
26. *Литвина Е.П., Рыбалкин Р.С., Успенский Е.Э.* Экономика не нефтяных арабских стран во втором квартале 2012 г.: аккумуляция напряженности // Электронный ресурс Института Ближнего Востока. URL: <http://www.iimes.ru/?p=15300&print=1>
27. *Логинов И.В.* О статусе шиитской общины в Саудовской Аравии // Ближний Восток и современность. Вып. 17. М., 2003.
28. *Мирзаян Г.* Реформатор не к месту и времени «Арабская весна» уже похоронила надежды иорданского руководства на возможность либерализации страны // Эксперт. 2012. № 30–31.
29. *Нечитайло Д.А.* «Аль-Каида» и переходный период в Йемене // Электронный ресурс Института Ближнего Востока. URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2012/22-03-12c.htm>
30. Проблема пресной воды. Глобальный контекст политики России / Под общей ред. Ректора МГИМО (Университета) МИД России, академика РАН А.В. Торкунова // Ежегодник ИМИ – 2013. М.: МГИМО-Университет, 2013. Вып. 1 (3). С. 38–47. (глава А.В. Федорченко и А.В. Крылова «Ближний Восток и Африка»).
31. *Рябов П.П.* Йемен: напряжение между Севером и Югом нарастает // Электронный ресурс Института Ближнего Востока. URL: <http://www.iimes.ru/?p=16618#more-16618>
32. *Сатановский Е.Я.* Современное состояние дел на Ближнем и Среднем Востоке. // Электронный ресурс iimes.ru. URL: <http://www.iimes.ru/?p=19516>
33. Саудовская Аравия: состояние демографии и трудовых ресурсов // Электронный ресурс журнала «Новое восточное обозрение». URL: <http://www.ru.journal-neo.com/node/118054>
34. Свержение Мурси – удар для ХАМАС // Би-би-си, 05.08.2013.
35. *Серебров С.Н.* Йемен // Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше? М.: Институт востоковедения РАН, 2012.
36. Сирии готовят косовский сценарий // Электронный ресурс израильского информационного агентства «MIG-news», 25.08.2013. URL: http://www.mignews.ru/news/politic/world/250813_185759_04541.html
37. Сирия: теряя надежду, гуманитарное сообщество призывает Совет Безопасности к действиям // Электронный ресурс Центра новостей ООН, 18.04.2013. URL: <http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=19418>
38. Спасти генерала ас-Сиси // Электронный ресурс израильского информационного агентства «MIG-news», 20.08.2013. URL: http://www.mignews.com/news/analitic/world/200813_141641_54842.html
39. *Субх М.А.* О преследовании представителей оппозиции в некоторых странах ССАГПЗ // Электронный ресурс Института Ближнего Востока. URL: <http://www.iimes.ru/?p=15136>
40. Тунис защитил женщин и атеистов // Независимая газета. 2014. 28 января. URL: http://www.ng.ru/world/2014-01-28/7_tunis.html
41. *Федорченко А.В.* Йеменская республика: преодолевая сепаратистские тенденции // Вестник МГИМО – Университета. 2013. № 4. С. 205–211.
42. *Федорченко А.В., Крылов А.В.* Ближний Восток: возможные варианты трансформационных процессов. М.: МГИМО-Университет, 2012. 85 с.
43. *Шуваев В.В.* Российская оценка ситуации в Ираке // Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше? М.: Институт востоковедения РАН, 2012.
44. *Юрченко В.П.* Военно-политическая обстановка в Ираке (октябрь 2013 года) // Электронный ресурс Института Ближнего Востока. URL: <http://www.iimes.ru/?p=18657>
45. Abdel Bari Atwan. Saudi Arabia: The Real Reason for its UN Anger // Rai Alyom (London), 21.10.2013.
46. Abdullah II bin al-Hussein. Our Last Best Chance: The Pursuit of Peace in a Time of Peril, New York City: Viking Adult, 2011.
47. *Ashour, Omar.* Libya After Qaddafi // Project Syndicate (USA), November 6, 2013.
48. Associated Press, October 09, 2012.
49. BBC-news. Guide to Libya's militias, 10.10.2013.
50. *Chivers C.J., Schmith E. and Mazzeti M.* In Turnabout, Syria Rebels Get Libyan Weapons // The New York Times, June 21, 2013.

51. *Cockburn P.* It is it the end of Sykes-Picot? On the war in Syria and the threat to the Middle East // London Review of Books issue, June 6, 2013.
52. Disaster Risk – Poverty Trends in Jordan, Syria, Yemen: Key Findings and Policy Recommendations // UNISDR Regional Office for the Arab States. Cairo, May 2012.
53. EBRD: To restore the economies of the countries of the «Arab Spring» must be \$ 120 billion // Электронный ресурс информационного агентства «Bloomberg», 11.10.2013. URL: <http://www.bloomberg.com/news/print/2013-10-11/arab-spring-countries-need-120-billion-world-bank-says.html>
54. *Fakhro E.* The Kingdom Divided // Электронный ресурс Carnegie Endowment for International Peace. URL: <http://carnegieendowment.org/sada/2012/03/08>
55. *Fisher M.* Political science says Syria's civil war will probably last at least another decade // The Washington Post, 23.10.2013.
56. The Global Intelligence Files. Global intelligence company Stratfor // Special Report: Libya's Tribal Dynamics, 10.18.2012.
57. *Heba, Saleh.* Oil industry left with legacy of violence in Libya after Gaddafi // The Financial Times, 29.04.2013.
58. «Human Rights Watch» Press Releases: The Murder Brigades of Misrata. October 28, 2011; Dispatches: Two Years after Gaddafi, Lawless in Libya. October 20, 2013.
59. *Irish J.* Libya looks to oil as rebuilding begins // Электронный ресурс агентства Reuters, 02.09.2011. URL: <http://www.reuters.com/article/2011/09/02/us-libya-conference-idUSTRE7810J820110902>
60. *Kenner D.* Saudi Arabia's Shadow // Foreign Policy, November 6, 2013.
61. *Lander M., Baker P.* His Options Few, Obama Rebukes Egypt's Leaders // The New York Times, 15.09.2013.
62. *Lander M., Gordon M.* Air War in Kosovo Seen as Precedent in Possible Response to Syria Chemical Attack // The New York Times, 23.08.2013.
63. *Lind S. William.* Turning Libya into Somalia // The American Conservative, May 18, 2011.
64. *Makan A.* Libyan oil exports tumble on port closures // The Financial Times, 01.07.2013.
65. Minority Rights Group International, World Directory of Minorities and Indigenous Peoples – Jordan: Overview, 2007 // Электронный ресурс UNHCR. URL: <http://www.refworld.org/docid/4954ce4ec.html>
66. OPEC Annual Statistical Bulletin 2010/2011.
67. Oroub Al Abed. Palestinian refugees in Jordan. University of Oxford, FMO, February 2004.
68. PM Netanyahu's Remarks at the Start of the Cabinet Meeting // Электронный ресурс канцелярии премьер-министра Израиля, 03.11.2013. URL: <http://www.pmo.gov.il/English/MediaCenter/Spokesman/Pages/spokestart031113.aspx>
69. Prisoner protests mark PA effort to start a «popular intifada» // The Times of Israel. November 28, 2013.
70. Reuters, 08.02.2011.
71. Saudi Arabia's take on the Syrian crisis // Электронный ресурс «Al-Arabiya News», 26.10.2013. URL: <http://english.alarabiya.net/en/views/news/middle-east/2013/10/26/Saudi-Arabia-s-take-on-the-Syrian-crisis.html>
72. Syria Regional Refugee Response // Электронный ресурс UNHCR [Агентство ООН по делам беженцев]. URL: <http://data.unhcr.org/syrianrefugees/country.php?id=107>
73. Turkey expels Saudi intelligence over diplomatic rift // Al-Akhbar (Beirut), November 1, 2013.
74. Электронный ресурс «The United Nations Relief and Works Agency for Palestine Refugees» (UNRWA) [Ближневосточное агентство ООН для помощи палестинским беженцам и организации работ]. URL: <http://www.unrwa.org/etemplate.php?id=66>
75. The Washington Post, 11.02.2014.
76. World Development Indicators 2014. World Bank.
77. Yemen's Southern Question: Avoiding a Breakdown // International Crisis Group. Middle East Report № 145. Sanaa; Brussels. September 23, 2013.

Институт международных исследований (ИМИ) МГИМО (У) МИД России создан в мае 2009 г. в целях развития и углубления аналитической работы Университета в области международных отношений, придания ей системного и прогностического характера, освоения новых исследовательских секторов (региональных и проблемных), проведения экспертизы и обоснования внешнеполитических инициатив и мероприятий. В сферу научных интересов ИМИ входит изучение концептуальных аспектов внешней политики России, выявление и исследование тенденций эволюции и развития международных процессов, анализ крупных и актуальных международных проблем.

ИМИ является правопреемником и продолжателем исследовательских и аналитических структур МГИМО (У) Проблемной научно-исследовательской лаборатории системного анализа международных отношений (1976–1990 гг.), Центра международных исследований (1990–2004 гг.) и Научно-координационного совета по международным исследованиям (2004–2009 гг.).

В настоящее время в состав ИМИ входят одиннадцать научных центров:

Центр глобальных проблем,
Центр постсоветских исследований,
Центр БРИКС,
Центр евро-атлантической безопасности,
Центр проблем Кавказа и региональной безопасности,
Центр исследований Восточной Азии и ШОС,
Центр ближневосточных исследований,
Центр региональных политических исследований,
Центр партнерства цивилизаций,
Центр североевропейских и балтийских исследований,
Аналитический центр.

Директор ИМИ – *А.А. Орлов*, профессор, Чрезвычайный и Полномочный Посланник.

«Аналитические доклады» Института международных исследований МГИМО (У) МИД России (до мая 2009 г. – «Аналитические доклады» НКСМИ) издаются с ноября 2004 г. Выходят с периодичностью не реже одного раза в месяц тиражом от 300 до 900 экземпляров. Рассылаются в Администрацию Президента Российской Федерации, органы исполнительной и законодательной власти, российские представительства за рубежом, профильные научно-исследовательские центры системы РАН, ведущие политологические центры, а также крупные библиотеки. Материалы для данного издания готовятся входящими в состав ИМИ МГИМО (У) научными центрами, а также известными российскими дипломатами, учёными, общественными деятелями.

Связь с редакцией по адресу: ktsmi@mgimo.ru

